Ѳ. Коринъ.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ НАУКУ

О

СЛАВЯНСКОМЪ СТИХОСЛОЖЕНІИ.

Отдѣльный оттискъ изъ «Сборника по славяновѣдѣнію». II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1907.

Ѳ. Коршъ.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ НАУКУ

О

СЛАВЯНСКОМЪ СТИХОСЛОЖЕНІИ.

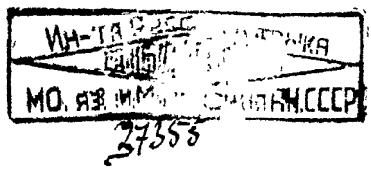
Отдѣльный оттискъ изъ «Сборника по славяновѣдѣнію». II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1907.

Прос. ...

PU
1
Слав
1

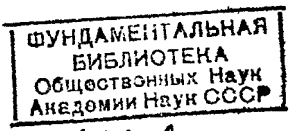
Ин-та ... ...ка
МО. яз. и М... ...ан СССР
37355



Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

Январь 1907.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*



ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
464
62

Введеніе въ науку о славянскомъ стихосложеніи.

Wczorajsza, wcale nowa Słowiańska nauka,
Lecz Bóg zasiał ją w ziarnach szeroko przed wieki.

Józef B. Zaleski, Pyłki.

Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, въ «Шлейхеровскую» пору языкознанія, когда «индо-европейскій языкъ» представлялся умамъ ученыхъ величиною дѣйствительною въ такой степени, что, по крайней мѣрѣ, самъ Шлейхеръ пытался даже сочинять на немъ басни, также будтобы «индо-европейскія», нѣкоторые языковѣды помышляли и объ «индо-европейскомъ» стихосложеніи, къ которому стихосложеніе отдѣльныхъ языковъ индо-европейской семьи должно относиться такъ-же, какъ сами эти языки относятся къ общему индо-европейскому языку. Мысль о первоначальномъ единствѣ индо-европейскихъ языковъ между прочимъ и въ стихосложеніи принадлежитъ извѣстному знатоку греческаго стихосложенія и языковѣду-любителю Рудольфу Вестфалю, человѣку необыкновенно способному и даровитому, но чрезмѣрно быстрому и смѣлому на выводы и обобщенія. Онъ еще въ 50-ыхъ годахъ, изучая Зендавесту по изданію Вестергорда (Westergaard), наткнулся по мѣстамъ на размѣренную рѣчь и скоро убѣдился въ наличности строкъ изъ одинаковаго числа слоговъ, въ которыхъ однако онъ не могъ отыскать никакого признака ритма. Отсюда онъ вывелъ, что древніе Иранцы строили свои стихи только на основаніи счета слоговъ, и что таково было нѣкогда индо-европейское стихосложеніе вообще. Уже и первое изъ этихъ заключеній было поспѣшно, такъ какъ 1) онъ изслѣдовалъ въ Авестѣ не всѣ мѣста, содержащія въ себѣ стихи, 2) при разъискиваніи основы авестійскаго стихосложенія онъ безсознательно руководился тѣми понятіями о стихѣ, какія онъ составилъ себѣ по количественнымъ (квантитативнымъ) стихамъ греческимъ и по качественнымъ (тоническимъ) нѣмецкимъ, 3) слоговое (силлабическое) стихосложеніе онъ понималъ съ одной стороны слишкомъ отвлеченно, не приписывая въ немъ ударенію ровно никакого значенія, съ другой — слишкомъ узко, соединяя его, опять-таки безсознательно, съ такимъ звуковымъ строемъ, при которомъ стихи стопные возможны лишь на качественной основѣ, какъ

напр. во французскомъ языкѣ, пригодномъ не только для чисто слоговыхъ стиховъ, подобныхъ слѣдующему (Boileau, Art Poétique, chant III):

Mais en vain le public, prompt à le mépriser,

но и для качественно-стопныхъ, каковъ идущій за выше приведеннымъ:

De son mérite faux le veut désabuser,

или въ польскомъ, гдѣ на ряду со слоговымъ стихомъ въ родѣ:

Ostrzegam tylko wcześnie, niech brat Tadeusza

возможенъ построенный въ правильныхъ стопахъ по удареніямъ:

Nie namawia, kochać się w Zosie nie przymusza

(Mickiewicz, Pan Tadeusz III),

тогда какъ слоговые стихи бываютъ и на количественной основѣ, напр. въ ведійскихъ размѣрахъ и въ шлокѣ, да и въ Авестѣ нерѣдки стихи въ родѣ:

āϑ mę̄ a(i̯)ẹm pa'ti aoxta Haomō ašau̯a, dūraoṣō:
«azem ahmi, Zaratuṣtra, Haomō, ašau̯a, dūraoṣō»

съ некратными (ирраціональными) анапестами и спондеями, какъ у Индѣйцевъ (см. мой «Опытъ ритмическаго объясненія древне-индѣйскаго эпико-дидактическаго размѣра çlokas» во II томѣ «Трудовъ Восточной коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества»). Если такъ, что-же сказать о поспѣшности перенесенія приписаннаго Иранцамъ слогового стихосложенія въ индо-европейскій праязыкъ? Послѣ этого неудивительно, что и стихи русскихъ народныхъ пѣсенъ Вестфаль свелъ на простой счетъ слоговъ, прославляя при томъ Русскихъ за сохраненіе древнѣйшаго стихотворнаго склада (Русскій Вѣстникъ, 1879 г.). И въ самомъ дѣлѣ нѣкоторыя изъ немногихъ русскихъ пѣсенъ, ему извѣстныхъ, при сравненіи ихъ словъ съ напѣвами оказываются слоговыми, какъ и многіе стихи въ Авестѣ; но и тамъ и здѣсь такой складъ представляетъ собою позднѣйшее явленіе. Слоговое стихосложеніе вообще возникаетъ на развалинахъ какого-нибудь иного, но всегда стопнаго или, пожалуй, тактоваго, въ которомъ сильныя и слабыя единицы слѣдуютъ другъ за другомъ въ опредѣленномъ порядкѣ, хотя-бы число слоговъ, составляющихъ стопу, не было постоянно

и одинаково во всей пѣснѣ, слабыя единицы кое-гдѣ даже совсѣмъ отсутствовали и взаимное равенство стопъ устанавливалось посредствомъ передышекъ (паузъ) или растяженія сильныхъ единицъ свыше ихъ обычной длительности, что̀ возможно только при пѣніи. Но вѣдь народная поэзія и не знаетъ стиховъ помимо пѣнія, почему и не нуждается въ словесномъ выраженіи всѣхъ ритмическихъ единицъ.

Такое стихосложеніе во всей его дикой неправильности мы находимъ у Нѣмцевъ даже въ письменности до Отфрида Вейссенбургскаго (IX в.) или, точнѣе, до того времени, когда его стихотворная сводка Евангелій распространилась и ея складъ, воспринимаемый слухомъ и безъ помощи пѣнія, укоренился, по крайней мѣрѣ, между пишущими стихотворцами. Однако и въ этихъ новыхъ стихахъ, не смотря на то, что въ основаніи ихъ лежало подражаніе осьмисложнымъ стихамъ ямбическаго склада, употребительнымъ въ латинскихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, какъ «Veni creator Spiritus» Амвросія Медіоланскаго, слабыя части стопъ нерѣдко выпускались и потому были возможны не только такіе стихи, какъ

Thû mohtis, quad siu, einan ruam
Joh ein gifuari mir giduan,

но и

Einan kuninc weiz ih,
Heizit hêr Hludwîc[1]),

т. е. число слоговъ колебалось между осмью и пятью — колебаніе ничтожное сравнительно съ тѣмъ, что̀ мы видимъ напр. въ Muspilli, но все-таки отсюда еще далеко до слогового равенства стиховъ, къ какому привыкли не только Французы и Поляки, но и мы, Русскіе, хотя, когда слагаемъ свои стихи, обращаемъ вниманіе не на число слоговъ, а на ихъ относительную силу. Отфридово стихосложеніе, какъ возникло, такъ и утвердилось у верхнихъ Нѣмцевъ и перешло цѣликомъ изъ древне-верхне-нѣмецкаго языка въ средне-верхне-нѣмецкій, въ которомъ однако оно стало самобытнѣе и разнообразнѣе вслѣдствіе допущенія не только другихъ размѣровъ, но и двухъ короткихъ слоговъ на мѣстѣ сильнаго времени стопы даже безъ

1) Знакомъ долготы обозначены въ нѣмецкихъ стихахъ здѣсь и ниже слоги долгіе по природѣ или по положенію внутри слова (чѣмъ обусловливается возможность второстепеннаго ударенія на слѣдующемъ слогѣ того-же слова) и также всѣ закрытые подъ удареніемъ. Знакомъ ≍ въ скобкахъ изображены передышки, иногда едва слышныя, на мѣстѣ ритмическихъ единицъ, не наполненныхъ рѣчью, знакомъ ⏑‿ — растяженіе долгой гласной или короткой съ послѣдующею длительной согласной свыше обычной мѣры.

пропуска слабой (что̀ Лахманъ пытался устранять, по крайней мѣрѣ, въ выговорѣ исключеніемъ одной изъ гласныхъ), откуда напр. въ Der Nibelunge Nôt:

Gunthêr und Hagne, die reken vil balt,
Lobeten mit untriuwen, ein pirsen in den walt,

гдѣ въ первомъ стихѣ десять слоговъ, во второмъ — тринадцать; но такъ какъ въ средне-верхне-нѣмецкомъ стихосложеніи былъ разрѣшенъ двусложный безударный приступъ (анакруза), какъ напр. въ томъ-же Der Nibelunge Nôt:

Nû wer was, der ûfem schilde vor dem Wasgensteine saz?,

длина того-же стиха могла доходить до пятнадцати—шестнадцати слоговъ. Нижніе Нѣмцы, усвоивъ себѣ стопное стихосложеніе, никогда не отказывались отъ выраженія слабой части стопы двумя слогами, и вотъ, путемъ все возроставшаго общенія между двумя вѣтвями нѣмецкаго племени, приблизительно въ XIV в. образовалось обще-нѣмецкое стихосложеніе, ставшее вскорѣ обще-германскимъ,— стихосложеніе стопное, но какое?[2])

Wer wagt es, Rittersmann oder Knapp,
Zu tauchen in diesen Schlund?
Einen goldnen Becher werf' ich hinab;
Verschlungen schon hat ihn der schwarze Mund

(Schiller)

или:

Farewell, ye odours of earth, that die,
Passing away like a lover's sigh;

---

2) Во всѣхъ примѣрахъ изъ языковъ со стихосложеніемъ качественнымъ, т. е. основаннымъ на разговорномъ удареніи и принимающимъ въ расчетъ долготу (въ языкахъ, ея не утратившихъ) лишь какъ замѣну разговорнаго ударенія въ сильной части стопы, знаки долготы и краткости разставлены здѣсь не по дѣйствительной длительности слоговъ въ обычной рѣчи, а сообразно съ тою продолжительностью каждаго слога, какая слышится при строго размѣренномъ чтеніи или, еще болѣе, въ напѣвѣ, точно соотвѣтствующемъ строю стиха. То-же относится — mutatis mutandis — къ слоговымъ примѣрамъ французскимъ и польскимъ.

My feast is now of the tooba tree,
Whose scent is a breath of eternity

(Thomas Moor)

или, нѣсколько иначе:

Ved Syriens mörkeblaa Middelhavs-Strand,
Hvar Pinjeskover ender i Bejruts gule Sand,
Hvor Franker og Tyrk deres Lystridt ride,
Der holde to Ryttere Side om Side

(Christian Richardt)[3])

и еще смѣлѣе, совсѣмъ по-старинному:

Han stirrer og han stirrer;
Kun Luft og kun Vand!
«Pinta» forude, —
Men ak — ikke Land!

(онъ-же).

У Нѣмцевъ переняли пѣсенный складъ Лужичане[4]), напр.:

Tsi molje keŕchow wón wobrajtowa,
Na jeje röwčku wón pozasta.
«Stawaj ty horje, holečo!
Daj mi te moje zawdanki zas'»

---

3) Тотъ-же размѣръ въ шведской народной пѣснѣ:

Dina svartbruna sköna ögon, din rosenröda mun
Hava lagt uppå mitt hjerta en börda så tung.
Halsbandet uppå halsen det glimmar som rödan guld,
Derföra vill jag vara lilla vannen så huld.

4) Отчасти и самыя пѣсни; ср. напр. пѣсню Ja stejach horkach na gori съ нѣмецкою Ich stand auf hohem Berge и въ особенности съ датскою Jeg gik mig op paa höie Bierg, которая впрочемъ сама, вѣроятно, заимствована у Нѣмцевъ, только съ извода, болѣе близкаго къ лужицкому. Ср. также Štrekelj, Slovenske narodne pesmi 1285—1293.

и даже съ сильнѣйшими стяженіями:

Bez nimaj sedžeła holička,
Rjana, bjeła, čerwena, [5])

но и съ болѣе смѣлыми разложеніями:

Štyrjo jej hercy piskachu,
Hólcy pak z karanami zej'rawachu.
Wy, štyrjo hercy, nepiskajće,
Hólcy pak z karanami nezej'rawajće

или

Hólcy pak z karanami zej'rawachu.
Hólcy pak z karanami nezej'rawajće.

Отъ Нѣмцевъ-же вольные стихи у Словѣнцевъ, напр.

Zvêdel sem nêkaj nóvega
Od svójga dekléta zaljúbljenga:
Ona si zbîra drûzega
In zâme ne mâra nìč vèč (у Штрекля 2173—2178 по пяти изводамъ).

И такъ въ лужицкихъ стихахъ одного и того-же размѣра, состоящаго въ совершенно правильномъ видѣ изъ десяти слоговъ, мы находимъ разницу въ пять слоговъ — отъ двѣнадцати до семи. Впрочемъ почти такова-же она и во второмъ скандинавскомъ (датскомъ) примѣрѣ — отъ семи до пяти. Какъ бы то ни было, германское стихосложеніе, отчасти перешедшее и къ Славянамъ, сохранило въ значительной мѣрѣ свой древній

---

5) Приблизительно такъ въ пѣснѣ «Wosredža wulkeho Wóseka», но въ сходной съ нею по началу «Wóše mi horńeho Wujezda» два стиха, соотвѣтствующіе приведеннымъ здѣсь, поются народомъ такъ (L. Haupt i L. Smoleń I, VIII):

Na, pod lipu sydała holička
Rjana, bjeła, čerwena —

одинъ изъ примѣровъ того, какъ различна можетъ быть ритмика стиха съ одной стороны— въ чтеніи и съ другой — въ напѣвѣ.

строй, не имѣющій ничего общаго со счетомъ слоговъ. О самобытныхъ остаткахъ того-же строя у Славянъ рѣчь впереди. Есть они и въ языкахъ количественныхъ, каковъ греческій. Такъ называемый пентаметръ слылъ у позднѣйшихъ Грековъ изобрѣтеніемъ Мимнерма (VI в. до Р. Х.), о чемъ древнѣйшее свидѣтельство принадлежитъ Гермесіанакту (IV в. до Р. Х.):

Μίμνερμος δέ, τὸν ἡδὺν ὃς εὕρετο πολλὸν ἀνατλάς
ἦχον καὶ μαλακοῦ πνεῦμ' ἀπὸ πενταμέτρου.

Здѣсь-же мы встрѣчаемъ впервые и названіе «пентаметръ», а на столѣтіе раньше Критій выражается еще такъ:

Οὐ γάρ πως ἦν τοὔνομ' ἐφαρμόζειν ἐλεγείῳ,

откуда позже, когда ἐλέγειος, прилагательное отъ древняго существительнаго ἔλεγος, употреблялось уже только въ видѣ существительнаго ἐλεγεία, образовано другое названіе того-же размѣра — ἐλεγειακός. Какъ извѣстно, онъ является во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ только въ соединеніи съ гексаметромъ, и оба эти стиха вмѣстѣ назывались нѣкогда просто ἔπη, т. е. такъ-же, какъ и одни гексаметры. И въ самомъ дѣлѣ — элегическій стихъ есть по своему строю, ужь конечно, не «пентаметръ», не пятистопный стихъ, а тотъ-же гексаметръ, стихъ изъ шести дактилей, только съ передышками, равными слабой части дактиля, или растяженіями сильной части до длительности цѣлой стопы. Въ двустишіи, каково напр. Тиртеево

Τεθνάμεναι γὰρ καλὸν ἐνὶ προμάχοισι πεσόντα
ἄνδρ' ἀγαθὸν περὶ ᾗ πατρίδι μαρνάμενον,

второй стихъ, очевидно, равенъ первому и представляетъ собою лишь его видоизмѣненіе. Однообразное сочетаніе обоихъ видовъ того-же стиха, т. е. дактилическаго шестистопнаго, поочередно то полнаго (или почти полнаго, какъ въ приведенномъ примѣрѣ), то съ передышками или растяженіями въ серединѣ и въ концѣ, есть уже дѣло сознательнаго искусства, а въ народномъ пѣснопѣніи эти два вида употреблялись, по всей вѣроятности, безразлично, какъ величины вполнѣ равныя, и даже, можетъ быть, различно видоизмѣнялись, хоть-бы напр. такъ:

– ◡◡ | – ◡◡ | – ◡◡ | – ◡◡ | – ◡◡ | – (◡)

или такъ:

– ◡◡ | – ◡◡ | – (◡) | – ◡◡ | – ◡◡ | – ×

Мало того: мыслимо и

– ◡◡ | – (◡) | – ◡◡ | – (◡) | – ◡◡ | – ×

и т. п., которыя могутъ, пожалуй, встрѣтиться отчасти въ безграмотныхъ надгробныхъ надписяхъ, но скорѣе въ видѣ случайныхъ искаженій, чѣмъ остатковъ сѣдой старины, какими ихъ считалъ Узенеръ (Altgriechischer Versbau. Bonn 1887). Что въ письменности изо всѣхъ этихъ видовъ удержалось только два, тому причины 1) ихъ ритмическая ясность, 2) ихъ безусловная противоположность, а что утвердилось сочетаніе полнаго стиха впереди съ урѣзаннымъ послѣ него, а не наоборотъ, какъ хотѣлъ въ V в. до Р. Х. Діонисій «Мѣдный» (Χαλκοῦς), это зависѣло отъ соображенія музыкальнаго, выраженнаго Шиллеромъ въ извѣстной эпиграммѣ:

Im Hexameter steigt des Springquells flüssige Säule,
Im Pentameter drauf fällt sie melodisch herab,

а именно: полное завершеніе (каденція) легче дается на сильномъ или хоть полусильномъ звукѣ, чѣмъ на слабомъ, который годится скорѣе для половиннаго завершенія. Потому-же напр. у Анакреонта въ трохеяхъ:

Πῶλε Θρῃκίη, τί δή με λοξὸν ὄμμασιν βλέπουσα
νηλεῶς φεύγεις, δοκεῖς δέ μ' οὐδὲν εἰδέναι σοφόν

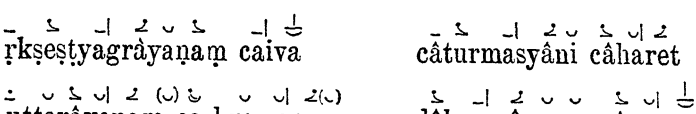
и въ подражаніи Пушкина:

Кобылица молодая,
Честь кавказскаго тавра,

а не наоборотъ. Слѣдъ первоначальной свободы въ составленіи стопъ можно подозрѣвать между прочимъ и въ Анакреонтовыхъ логаэдахъ (съ дактилями, равными трохею):

Πολλὰ μὲν ἐν δουρὶ τιθεὶς αὐχένα, πολλὰ δ' ἐν τροχῷ,
πολλὰ δὲ νῶτον σκυτίνῃ μάστιγι θωμιχθείς, κόμην
πώγωνά τ' ἐκτετιλμένος,

какъ и вообще въ такъ называемыхъ хоріамбахъ, т. е. стихахъ изъ ускоренныхъ дактилей съ усѣченными или стянутыми трохеями, хотя въ такихъ стихахъ почти вездѣ соблюдается одинаковое число слоговъ, что̀ естественно при стихосложеніи строго стопномъ. Уклоненіе отъ начала равносложности особенно удивительно въ древне-индѣйскихъ количественно-слоговыхъ шлокахъ, напр. во второмъ стихѣ 10-аго двустишія 6-ой книги законовъ Ману:



Такой удлиненный на одинъ слогъ приступъ вообще рѣдокъ и встрѣчается по большей части въ шлокахъ не особенно древнихъ, но едва-ли можно видѣть въ этой неправильности одно изъ позднихъ явленій, знаменующихъ собою разложеніе этого стариннаго размѣра, такъ какъ именно число слоговъ есть такой внѣшній признакъ, который легче всего соблюсти даже послѣ того, какъ первоначальная основа размѣра уже утратила свою жизненность, сдѣлавшись недоступна непосредственному воспріятію слухомъ вслѣдствіе измѣненій въ звуковомъ строѣ языка. Естественнѣе, кажется, предположить, что это нарушеніе законнаго числа слоговъ есть черта древняя, но сохранившаяся только въ стихахъ необразованныхъ или полуобразованныхъ людей и забравшаяся въ письменность одновременно съ другими заносами изъ низшихъ общественныхъ слоевъ, долго остававшихся въ сторонѣ отъ умственнаго движенія, а впослѣдствіи, по мѣрѣ вымиранія санскрита, повліявшихъ и на письменный языкъ и на его стихосложеніе.

Примѣровъ, доказывающихъ древность стихосложенія, основаннаго на смѣнѣ сильныхъ и слабыхъ слоговъ у разныхъ народовъ, можно было-бы привести много, но главнымъ доказательствомъ останется все-таки соображеніе, опирающееся не на сборъ данныхъ изъ словеснаго творчества отдѣльныхъ племенныхъ единицъ, который никогда не можетъ быть полонъ, а на самое существо дѣла: такъ какъ стихотворный складъ рѣчи возникъ несомнѣнно въ тѣснѣйшей связи съ напѣвомъ и съ пляской, а напѣвъ и пляска немыслимы безъ ритма, т. е. правильнаго чередованія сильныхъ и слабыхъ звуковъ голоса и ударовъ ноги, въ соотвѣтствующей имъ рѣчи долженъ быть осуществленъ прежде всего ритмъ, т. е., примѣнительно къ слову, правильное, хоть по возможности, чередованіе сильныхъ и слабыхъ слоговъ. Понятно, что сильный слогъ есть слогъ ударяемый. А что значитъ «ударяемый слогъ» въ ритмѣ? Очевидно — ударяемый такъ, чтобы его удареніе могло опредѣлять ритмическое движеніе рѣчи. Такимъ слогомъ можетъ быть только ударяемый напорно, выдыхательно (экспираторно), а не пѣвуче (хроматически). Оба эти рода ударенія едва-ли гдѣ встрѣчаются въ чистомъ видѣ: выдыхательное удареніе обыкновенно соединяется съ нѣкоторымъ повышеніемъ голоса, а пѣвучее — съ нѣкоторымъ усиленіемъ дыханія. Такъ напр. по-русски ударяемый средній слогъ въ словѣ соба́ка звучитъ приблизительно на двѣ ступени (терцію) выше перваго и на три ступени (кварту) выше послѣдняго. По-сербски рѣзко-выдыхательное

короткое нисходящее удареніе — отличается, хоть и не во всѣхъ говорахъ, отъ пѣвучаго короткаго-же восходящаго такъ явственно и опредѣленно, что ихъ нельзя смѣшать даже въ однословныхъ словахъ, какъ вӣт «гибокъ» и вит, вит! «гуля, гуля!» (крикъ для призыва голубей); однако напр. въ словахъ «бра̏те, опрòсти» ударяемый слогъ перваго слова звучитъ не только сильнѣе послѣдняго, но и выше на три ступени, а такой-же слогъ второго не только выше перваго слога на три ступени и послѣдняго— на двѣ ступени (опять-таки приблизительно), но и сильнѣе обоихъ, почему такое удареніе безусловно годится для установленія ритма, напр. у Йована Илича:

Ȕбило је мòје ȕздисā̀ње.

Въ нѣмецкомъ Sónnàbend слогъ подъ главнымъ удареніемъ не только сильнѣе, чѣмъ слѣдующіе за нимъ слогъ подъ второстепеннымъ удареніемъ и слогъ безъ ударенія, но и выше обоихъ на три ступени.

Но такія смѣшенія двухъ началъ въ удареніяхъ не мѣшаютъ ударенію въ однихъ языкахъ имѣть первенствующее или даже исключительное значеніе для ритма, а въ другихъ — быть для него совершенно безразличнымъ. Эта разница зависитъ, конечно, отъ преобладанія того или другого начала въ удареніи даннаго языка, однако непремѣнно въ связи съ количественными отношеніями слоговъ, а именно: гдѣ нѣтъ постояннаго различія между долготою и краткостью, т. е. гдѣ всѣ слоги количественно безразличны, какъ напр. въ русскомъ языкѣ, въ польскомъ, лужицкомъ, болгарскомъ, тамъ и полу-выдыхательное, полу-пѣвучее удареніе служитъ ритму достаточной, да и единственной опорой; гдѣ слышится только естественная долгота, т. е. обусловленная количествомъ однихъ гласныхъ, и при томъ лишь подъ удареніемъ, какъ у Словѣнцевъ и у современныхъ германскихъ народовъ, ритмъ основывается на удареніи; гдѣ помимо долготы гласныхъ есть и долгота слоговъ съ короткой гласной и послѣдующимъ сочетаніемъ согласныхъ (долгота по положенію, позиціонная), но то и другое слышно лишь подъ удареніемъ, хотя-бы второстепеннымъ, какъ въ древнихъ германскихъ языкахъ, тамъ ритмъ опредѣляется удареніемъ, однако съ условіемъ, чтобы сильная часть стопы состояла или изъ долгаго слога или изъ двухъ слоговъ, короткихъ или короткаго и долгаго; гдѣ ощутительны обѣ причины долготы слоговъ независимо отъ ударенія, но отношеніе между долгими и короткими слогами не кратно (не раціонально), т. е. долгота не равняется двумъ краткостямъ, какъ въ языкахъ сербо-хорватскомъ, чехословацкомъ, мадярскомъ, главной основой ритма служитъ удареніе, но на ряду съ нимъ и долгота можетъ сама по себѣ занимать сильную часть стопы; гдѣ при наличности обоихъ родовъ долготы долгота, по крайней мѣрѣ,

въ извѣстномъ положеніи между краткостями, равняется двумъ краткостямъ, а удареніе выдыхательное или пѣвуче-выдыхательное, какъ въ языкахъ арабскомъ (древнемъ), персидскомъ, афганскомъ и сѣверныхъ индѣйскихъ (hінді и урду), тамъ удареніе непригодно для ритма; въ языкахъ съ тѣми-же свойствами, но съ удареніемъ существенно пѣвучимъ, какъ у древнихъ Индѣйцевъ, Грековъ и Латинянъ, возможенъ ритмъ исключительно на основѣ разницы между долготой и краткостью, и при томъ въ такомъ разнообразіи, какое недоступно языкамъ, хотя-бы и не менѣе чувствительнымъ къ количественности, но сильнѣе напирающимъ на ударяемые слоги.

Въ первыхъ четырехъ разрядахъ языковъ, т. е. тѣхъ, въ которыхъ ритмъ опредѣляется удареніемъ, нѣкоторая примѣсь пѣвучести къ ударенію, въ основѣ выдыхательному, тѣмъ менѣе способна помѣшать его ритмическому значенію, что высота не связана съ ихъ удареніемъ неразрывно; напр. въ томъ-же русскомъ словѣ «соба́ка», если оно произносится въ смыслѣ вопроса, выражающаго удивленіе, ударяемый слогъ можетъ быть или одной высоты съ первымъ или ниже его на одну ступень и ниже послѣдняго на пять ступеней (сексту); по-нѣмецки главное удареніе бываетъ не только выше второстепеннаго и неударяемаго на три ступени, но при говорѣ на распѣвъ, какъ у Саксонцевъ, понижается сравнительно съ прочими слогами на пять ступеней; по-шведски (не въ Финляндіи) главное удареніе состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ вторая, содержится-ли она въ томъ-же слогѣ или въ слѣдующихъ, ниже первой на одну ступень, а второстепенное удареніе выше второй части главнаго на четыре. И такъ языки по свойству ударенія, по наличности или отсутствію количественности слоговъ и по отношенію долготы къ краткости распадаются съ точки зрѣнія ритма на количественные, качественные и смѣшанные. Такъ какъ для ритма нужны сильныя и слабыя части подлежащаго ему вещества (τοῦ ῥυθμιζομένου), въ словѣ должны соотвѣтствовать сильнымъ частямъ ритма сильные слоги, т. е. тѣ, которые могутъ имѣть значеніе слоговъ ритмически ударяемыхъ. Въ языкахъ качественныхъ такими являются слоги разговорно-ударяемые, потому что удареніе этихъ языковъ и обусловлено силою выдыханія, а въ языкахъ количественныхъ ритмическое удареніе принимаютъ на себя слоги долгіе, поставленные въ опредѣленное соотношеніе съ короткими, или короткіе, соединенные по-два и такимъ-же образомъ сопоставленные съ другими короткими (послѣднее невозможно не только въ такихъ языкахъ, какъ сербскій и чешскій, но и въ такихъ, какъ арабскій или персидскій). Въ языкахъ смѣшанныхъ можно было-бы, разсуждая отвлеченно, ожидать дѣленія на преимущественно качественные и на преимущественно количественные, но въ дѣйствительности языки второго рода едва-ли встрѣчаются,

потому что преобладаніе числа ритмическихъ удареній на долгихъ слогахъ надъ числомъ ритмическихъ удареній на слогахъ разговорно ударяемыхъ такъ пріучаетъ слухъ къ различію сильныхъ и слабыхъ частей стопы по длительности, т. е. напр. къ чередованію ⏑–⏑–⏑–⏑– и т. д., и такъ ослабляетъ въ ощущеніи ритмическое значеніе разговорно-ударяемыхъ коротких слоговъ, что ритмическая строка ⏑–⏑–⏑–⏑– или ⏑–⏑–⏑–⏑– (гдѣ | ритмическое удареніе, а ′ — разговорное) не можетъ показаться правильной. Другое дѣло языки преимущественно качественные, привыкшіе къ совпаденію ритмическаго ударенія съ разговорнымъ, однако не утратившіе чутья и къ долготѣ, которая, задерживая на себѣ голосъ, производитъ впечатлѣніе если не сильнаго времени, то и не такого слабаго, какъ неударяемая краткость: въ нихъ строка въ родѣ ⏑⏑⏑⏑–⏑– или ⏑⏑⏑–⏑⏑– не приводитъ слушателя въ недоумѣніе относительно ритма.

Каково было стихосложеніе Индоевропейцевъ до распаденія ихъ на племена, мы не знаемъ, но можно поручиться за то, что основой ему служилъ не отвлеченный счетъ слоговъ, а ритмическія средства языка, каковы-бы ни были они и какъ-бы несовершенно ни примѣнялись. Во всякомъ случаѣ, если это доисторическое стихосложеніе перешло въ отдѣльные индоевропейскіе языки, оно оставалось въ каждомъ изъ нихъ лишь до тѣхъ поръ, пока данный языкъ сохранялъ праязычныя ритмическія средства, но какъ только длительность, высота и сила его звуковъ подвергались измѣненіямъ въ степени и въ распредѣленіи, онъ неизбѣжно бывалъ вынужденъ усвоить себѣ другой складъ стиховъ, какъ уже въ историческія времена греческій языкъ, утративъ опредѣленное различіе длительности слоговъ и замѣнивъ свое нѣкогда пѣвучее удареніе выдыхательнымъ, перешелъ отъ количественнаго стихосложенія къ качественному и еще позже въ романскихъ языкахъ, въ основѣ своей качественныхъ, происшедшихъ изъ латинскаго, существенно количественнаго, водворился качественно-слоговой складъ. Потому нечего и думать о какой-то наукѣ сравнительнаго стихосложенія индоевропейскихъ языковъ. Если такая наука мыслима, то съ точки зрѣнія не исторіи, обусловленной взаимнымъ родствомъ, а физіологіи рѣчи и отчасти въ цѣляхъ изслѣдованія культурныхъ вліяній. Но такому сравнительному изученію разныхъ видовъ стихотворнаго склада не за чѣмъ ограничиваться индоевропейскими языками.

Иначе обстоитъ дѣло съ доисторическимъ стихосложеніемъ одного какого-нибудь отдѣла языковъ до его распаденія. Нельзя сомнѣваться напр. въ томъ, что стихосложеніе общегерманскаго праязыка было въ главныхъ чертахъ таково-же, какъ древне-нѣмецкое и древне-скандинавское, т. е. вольное качественное. Съ меньшей увѣренностью, однако не

безъ значительной вѣроятности можно предположить, что стихосложеніе индо-иранскаго праязыка походило на то, которое мы находимъ въ Ведахъ, въ Магабхаратѣ и въ другихъ повѣствовательныхъ и учительныхъ памятникахъ санскрита, т. е. вольное количественное съ долготами то кратными, то некратными, гдѣ одна и та-же стопа могла быть представлена слогами ⊥⏑ $(2+1=3)$, ⏑́⏑⏑ $(1+1+1=3)$, ⊥ – $(1\frac{1}{2}+1\frac{1}{2}=3)$, ⊥⏑⏑ $(1\frac{1}{2}+\frac{3}{4}+\frac{3}{4}=$ $=3)$, ⏑́⏑– $(\frac{3}{9}+\frac{3}{9}+1\frac{1}{2}=3)$, а въ приступѣ передъ ритмически ударяемой долготой — даже ⊥⏑– $(1\frac{1}{3}+\frac{1}{3}+1\frac{1}{3}=3$, если не съ излишкомъ)[6]. О праславянскомъ стихосложеніи можно сказать рѣшительно лишь одно — что въ основѣ его лежала не количественность. Заключить это позволительно 1) изъ полнаго отсутствія количественнаго стихосложенія въ славянскихъ языкахъ и 2) изъ уже сильно развитой наклонности общеславянскаго языка къ сокращенію долгихъ гласныхъ (см. А. А. Шахматовъ, Къ исторіи звуковъ русскаго языка стр. 48—56, откуда, по видимому, можно вывести, что у Славянъ во время ихъ единства долгота удерживалась фонетически только въ тѣхъ слогахъ, гдѣ двѣ ея части различались по высотѣ или по силѣ, напр. — если изобразимъ долготу двойной буквой — *ду́у̀шѫ, *виѝно́, *но́си̇ить, *носи̇̀и́те и т. п., да и то не въ конечномъ открытомъ слогѣ, какъ вода́ изъ древнѣйшаго *вода̀а́ ср. греч. χαρά = kharàá). Что въ тѣхъ изъ славянскихъ языковъ, которые различаютъ долготу и краткость, число долготъ увеличилось вслѣдствіе стяженій, утраты слогового значенія глухими, положенія передъ нѣкоторыми сочетаніями согласныхъ, переноса ударенія назадъ, доказано изслѣдованіями Лескина, Ягича, Чернаго и др., къ которымъ въ новѣйшее время присоединился С. М. Кульбакинъ со своимъ трудомъ «Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка». И не смотря на очень значительное число долготъ въ языкахъ чешскомъ и сербо-хорватскомъ, опыты сложенія стиховъ по древне-греческимъ образцамъ остались и тамъ и здѣсь доказательствами того, что при учености и терпѣніи нѣкоторымъ, самымъ простымъ греческимъ размѣрамъ подражать — по крайней мѣрѣ, по-чешски — возможно, но для того, чтобы наслаждаться этими подражаніями, нужны со стороны читателя тѣ-же ученость и терпѣніе, которыя еще въ добавокъ далеко не всегда бываютъ вознаграждены: то онъ сбитъ съ толку короткимъ ударяе-

---

6) Ср. древнѣйшее латинское стихосложеніе, допускавшее напр. такіе стихи (Ter. Eun. 692):

⏓| ⊥ ⏑⊥ ⏑ ⏓| ⊥⏓ ⏑́⏑ ⏓| ⊥ ⏑ ⏑̇
Respondeat. Roga. Venisti hodie ad nos? negat,

т. е. по приблизительному подсчету длительности слоговъ въ этой связи

$$\frac{3}{2}+|2+1+\frac{3}{2}+\frac{1}{2}+1+|\frac{3}{2}+\frac{3}{2}+\frac{3}{4}+\frac{3}{4}+\frac{3}{2}+|2+1+2.$$

мымъ слогомъ, поставленнымъ на мѣсто законной долготы, то недоумѣваетъ, принять-ли ему сочетаніе согласныхъ за достаточную причину для долготы или пренебречь имъ, то не знаетъ, какъ измѣрить односложное слово, то сомнѣвается, сохранить-ли за слоговыми r и l ихъ слоговое значеніе или приравнять ихъ къ прочимъ согласнымъ, то колеблется передъ ě послѣ губной, не сразу догадываясь, долженъ-ли онъ признать предшествующій слогъ за долгій, какъ училъ Нидерле, или за короткій (ср. Král, o prosodii české въ Listy filologické за 1892 и 1893 г.). Это и понятно при шаткости отношенія между долготою и краткостью въ чешскомъ языкѣ (см. J. Král a F. Mareš, Trvání hlásek a slabik dle objektivné míry тамъ-же 1893 г.). Въ сербо-хорватскомъ языкѣ это отношеніе при точныхъ изслѣдованіяхъ, можетъ быть, оказалось-бы устойчивѣе, особенно въ слогахъ ударяемыхъ, напр. вра́н и вра̏на, гла́с и гла̀снӣк, гла́ва и гла̀вица. Веберъ (Ткальчичъ) утверждаетъ даже, что, какъ пишетъ онъ, mnogo vȍjnīkāh, dōsta dȁsākah (по Вуку: мно̏го војни́кā, до̏ста даса́кā) и т. п. звучатъ «въ естественномъ говорѣ» такъ, что слоги ni и sa превосходятъ силою остальные (Rad XL стр. 41); но, если это вѣрно, трудно понять, какъ можетъ онъ одобрять напр. такой гексаметръ (тамъ-же стр. 40):

О̏коло гле̏дни и сву̏д а̏х ја̏ӯк чу̏т ће̂ш и ле̏лēк,

въ которомъ ритмическое удареніе трижды основано только на разговорномъ, а долгота въ пятой стопѣ идетъ за краткость. Правда, все это какъ-то согласуется съ его ученіемъ о сербскомъ гексаметрѣ, но оно не менѣе отзывается личнымъ вкусомъ и личнымъ выговоромъ, нежели правила Трнскаго или Суботича (Наука о србском стихотворству). А личный или мѣстный выговоръ много значитъ: кто ̀ произноситъ пѣвуче, тому легче отнять у него ритмическое значеніе, чѣмъ другому, кто отличаетъ ̀ отъ ̏ только меньшимъ напоромъ выдыханія, не говоря уже о тѣхъ Сербахъ, которые смѣшиваютъ эти ударенія; а если мы при этомъ примемъ въ расчетъ сокращеніе конечныхъ слоговъ, сильно распространенное въ Сербіи, то должны будемъ допустить, что напр. кра̀љицē можно употребить и за анапестъ и за дактиль или, пожалуй, и за кретикъ (по Веберу чуть-ли не именно такъ). Произвольнымъ кажется непризнаніе долготы по положенію: кр̏ст, ужь конечно, дольше, чѣмъ кр̏т, а пр̏ст едва-ли короче, нежели пр̂т, и по-чешски milostivý звучитъ такъ, что человѣку, привыкшему только къ неколичественному языку, ударенія слышатся не на первомъ и третьемъ слогахъ, гдѣ ихъ произноситъ Чехъ, а на второмъ и на четвертомъ[7]). Что сербскіе и хорватскіе гексаметры суть лишь трудная и не-

7) Чешскаго музыканта Ба́бушку (Babuška) въ Москвѣ звали Бабу́шкой, утверждая, что онъ самъ такъ выговариваетъ свое имя.

удачная ученая выдумка, ясно изъ самой ихъ рѣдкости. У Чеховъ количественные гексаметры и другіе греческіе размѣры встрѣчаются гораздо чаще и выходятъ понятнѣе, однако человѣкъ не предупрежденный и не предубѣжденный даже въ такомъ образцевомъ гексаметрѣ, какъ

Louka kosou sečená voňavé tady zápachy dává

Винаржицкаго прочтетъ первую половину такъ-же, какъ

Šly tři hezké silnicí,

по ритму, опредѣляемому разговорнымъ удареніемъ. Нѣсколько понятнѣе строй количественныхъ стиховъ у Мадяръ, обладающихъ не только весьма значительными долготами, но и подчеркивающихъ ихъ отличіе отъ краткостей качественною разницей, особенно рѣзкой въ a (=â) и á (=ā), e (=e открытому) и é (=ē сильно закрытому). Однако нѣкоторая неясность и неустойчивость ритма есть общій удѣлъ такихъ языковъ, которые обладаютъ выдыхательнымъ или хоть полу-выдыхательнымъ удареніемъ и количественностью, независимой отъ него, но неопредѣленной и шаткой: въ нихъ ударе́ніе разговорное, тождественное по своей природѣ съ ритмическимъ, мѣшаетъ основать ритмъ на количественности, а долгота, привлекая на себя ритмическое ударе́ніе, затрудняетъ теченіе ритма, опредѣляемаго удареніемъ разговорнымъ. Потому такимъ языкамъ, оснуютъ-ли они свое стихосложеніе на одномъ разговорномъ удареніи или, въ случайной смѣнѣ съ нимъ, и на долготѣ, приходится ограничить свой стихотворный складъ лишь простѣйшими видами ритма, а именно состоящими изъ двусложныхъ или, пожалуй, четырехсложныхъ стопъ, но непремѣнно съ удареніемъ черезъ слогъ, т. е. трохеями и ямбами. Народное творчество такъ и поступаетъ, уклоняясь отъ этого правила только при подражаніи иноязычнымъ образцамъ. Въ двусложныхъ стопахъ и разница между долготою и краткостью на столько слышнѣе, чѣмъ въ трехсложныхъ, что чисто-количественные трохеи и ямбы удаются Чехамъ и Мадярамъ очень недурно (Сербы и Хорваты, кажется, не производили такихъ опытовъ).

И такъ обще-славянское стихосложеніе не было количественнымъ, а должно было для осуществленія ритма, по которому слагались тогдашнія пѣсни, пользоваться разговорнымъ удареніемъ, хотя, можетъ быть, и допускало тамъ и сямъ долгіе слоги въ качествѣ носителей ритмическаго ударе́нія. Простѣйшій изо всѣхъ мыслимыхъ стиховъ есть ⏑⏑|⏑⏑, т. е. двѣ стопы въ $\frac{4}{8}$ или, что̀ то-же, въ $\frac{2}{4}$. Такіе стихи есть чуть-ли не у всѣхъ народовъ земного шара, говорящихъ съ выдыхательнымъ удареніемъ, а у перво-

бытныхъ Славянъ ихъ можно предполагать тѣмъ болѣе, что они встрѣчаются въ народной поэзіи всѣхъ нынѣ существующихъ славянскихъ племенъ, напр. по-великорусски:

Пóлно, дрёмушка, дремáти,

по-малорусски:

У сусíда хáта бíла,

по-бѣлорусски:

Сéю, вéю конопéльки,

по-сербски:

Кȍњ јунáка òставио,

по-болгарски:

Пáсалъ ѥ Стоя́нъ телци́-тѣ,

по-словѣнски:

Tô s' je vóščil túrški báša,

по-чешски:

Kdo to chodí po hřbitově,

по-словацки:

Seděla pod borovičkú [8]),

по-польски:

Na podołu biały kamień,

по-лужицки:

Wšitcy panja z wójny ća'nu.

Послѣдній слогъ можетъ быть откинутъ и въ пѣніи замѣненъ соотвѣтственной передышкой или протяженіемъ предшествующаго слога:

в. р. Я постáвила кисéль.

м. р. Вúйшли в пóле косарí.

б. р. Óй ты, гáлинькій цвятóкъ!

---

8) Впрочемъ поется въ иномъ ритмѣ:

Пользованіе такими примѣрами вызывается иногда просто случайнымъ отсутствіемъ лучшихъ, но въ подобномъ примѣненіи не есть такой подлогъ, какъ это кажется: ритмъ, указанный въ текстѣ, данъ разговорнымъ удареніемъ и потому естественъ до такой степени, что при стихахъ того-же склада всегда можно его ожидать въ другихъ такихъ пѣсняхъ. Недостатокъ въ подручныхъ примѣрахъ былъ одною изъ причинъ и того, что ниже различные размѣры подтверждены не изо всѣхъ славянскихъ языковъ; но такое подтвержденіе едва-ли и нужно.

срб. Ста̏де сла̀вӯј пе̏вати.
слов.[9]) V čr̂ni góri bêli grâd.
луж. Dobry wečor, maćerka

и т. п. Отпасть можетъ и еще одинъ изъ послѣднихъ слоговъ, но въ пѣніи первоначальная продолжительность двустопнаго стиха возстановляется продолженіемъ или передышкой такъ:

⏑́⏑⏑́⏑|⊥⏓

или такъ:

⏑́⏑⏑́⏑|⏑́⏓(⏑),

напр.

в. р. Зва́ли, зазыва́ли.
м. р. Го́ре-ж минї, го́ре.
срб. Кра̂љу, свêтлӣ кра̂љу.
слов. Čêla je letéla.
чеш. Za našima humny.
пол. Śpiéwa słowik, śpiéwa.
луж. Wujeŕoveskej zemi.

Усѣченія такого осьмисложнаго, ритмически двустопнаго стиха о четырехъ удареніяхъ — двухъ главныхъ и двухъ второстепенныхъ — могутъ идти и далѣе, т. е. до ⏑́⏑⏑́⏑|⊥(⏓) и даже ⏑́⏑⏓|⊥(⏓), но это уже не самостоятельные стихи, а лишь вторыя части стиховъ, употребительныя только у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ и потому, можетъ быть, и чуждыя общеславянскому стихосложенію (ср. вообще L. Zima, Nacrt naše metrike narodne obzirom na stihove drugih naroda o osobito Slavenâ въ Rad XLVIII 170—221 и XLIX 1—64 и его-же I opet o metrici narodnich pjesama тамъ-же XCIII 197—235). А что стихи состояли у Славянъ искони, по малой мѣрѣ, изъ двухъ частей или соединялись въ пѣніи по-два и по-три, слѣдуетъ не только изъ наличности этого явленія въ народномъ творчествѣ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, но также изъ музыкальной необходимости: самый напѣвъ слагается не менѣе чѣмъ изъ двухъ такъ называемыхъ предложеній (у Грековъ κῶλον) — повышенія и пониженія, вопроса и отвѣта. Эти части составляютъ вмѣстѣ музыкальную фразу (у Грековъ περίοδος), которая иногда исчерпываетъ собою напѣвъ, иногда связывается съ другою фразой, въ которой разработывается и развивается тотъ-же напѣвъ, и это соединеніе у насъ по недоразумѣнію или подъ вліяніемъ

9) Т. е. по-словѣнски (а не по-словацки), какъ и ниже.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР
37355

принятаго музыкантами изъ грамматики слова «предложеніе», называется періодомъ (у Грековъ στροφή или, какъ часть строфы, σύστημα). Соединенію двухъ стиховъ въ одно музыкальное цѣлое нѣмецкіе писатели по стихосложенію придали названіе Langvers или Langzeile. Связанные такимъ образомъ два стиха часто, но далеко не всегда снабжаются примѣтами, указывающими на ихъ сопринадлежность къ одному цѣлому. Таковы различное число слоговъ, а иногда и стопъ, присутствіе безударнаго приступа въ одномъ стихѣ и отсутствіе этой прибавки въ другомъ, въ позднѣйшія времена — созвучіе концевъ (ассонансъ и риѳма). Можно догадываться, что нѣкоторыя изъ такихъ соединеній, со внѣшними примѣтами или безъ нихъ, были извѣстны Славянамъ еще въ пору ихъ нераздѣльности, напр. полный стихъ ⏑́⏑⏑́⏑|⏑́⏑⏑́⏑ дважды:

в. р. Изъ-подъ ду́ба, изъ-подъ вя́за,	изъ-подъ вя́зова коре́нья,
м. р. Танцюва́ла ри́ба з ра́ком,	а петру́шка з пустерна́ком.
срб. Нѝт ôн ȍрē, нѝт ôн плȕжӣ,	вѐћ за дрâгōм мѝло ту́жи.
слов. Àl me bôš kaj ráda 'mêla,	ko bôm nósil sûknjo bélo.
чеш. Uliánka, čistá panna,	u Dunaja šaty prala

и т. п. Такъ-же и урѣзанный ⏑́⏑⏑́⏑|⏑́⏑⏑́(⏑) или, въ пѣніи, ⏑́⏑⏑́⏑|⏑́⏑⏑́:

в. р. Дру́женька хоро́шенькій,	дру́женька приго́женькій.
м. р. Ой, ѥ в ме́не ча́роньки:	бі́ле ли́чко, бро́воньки.
срб. Нѐмōјте ме стре́љати:	jâ ћу вàма пѐвати.
слов. Mója lánjska ljûbica,	ki me nóčeš ljúbit vèč.
чеш. A já jednu miluju,	a druhé zas slibuju.
луж. Teptana jo šćažcycka;	chtóga ju jo huteptał?

Вдвойнѣ урѣзанный или, ритмически, стянутый въ концѣ ⏑́⏑⏑́⏑ | ⊥⏑́ или ⏑́⏑⏑́⏑ | ⏑́⏑́:

в. р. До́бры ко́ни то́нутъ,	мо́лодцы томя́тся (XVII в.).
м. р. Ой, за га́ѥм, га́ѥм,	га́ѥм зелене́ньким.
б. р. А ци до́ма, до́ма,	па́не господа́ру?
срб. Цва̏ла јѐси, ро́жа,	ли̑по јѐси цва̏ла.
болг. Ка́звай, До́нке, ка́звай,	що́ си съгрѣши́ла.
слов. Kítica zelêna,	rôžica rumêna.
чеш. Já ji koupil pentli	barvy proměňavé.

пол. Świeci miesiąc, świeci i nie długo zgaśnie.
луж. We tej našej bróžni šjere móšje pišča.

Соединятся и стихи разной ллины: ⏑́⏑⏑́⏑ | ⏑́⏑⏑́⏑ + ⏑́⏑⏑́⏑ | ⏑́⏑–́, напр.:

в. р. Ѣ́халъ по́варъ на чуми́чкѣ, двѣ́ кастрю́ли впереди́.
слов. Dávi pà je slánca pála na zelêne trávnike.
луж. Hólčik jjedže pó -wsy delje, holčo džeše po wodu[10]).

и т. п., но все въ пѣсняхъ новыхъ и отчасти искусственныхъ, потому что послѣдовательное чередованіе стиховъ одного и того-же ритма и отличающихся другъ отъ друга только присутствіемъ или отсутствіемъ одного безударнаго слога въ концѣ чуждо старой народной пѣснѣ. Другое дѣло — сокращеніе большее, слога на-два, при которомъ стихъ, по крайней мѣрѣ, въ разговорномъ произношеніи теряетъ свое послѣднее удареніе, напр.

в. р. Во саду́-ли, въ огоро́дѣ дѣ́вица гуля́ла.
м. р. Шли́ коро́ви из дубро́ви, а ове́чки з по́ля.
срб. Бо̀сиоче, бо̀сиоче, у̏ ширину ра́сти.
слов. Žôlta vtíca lépo póje dòl pod bêlim grâdom.
пол. Otóż tobie, moja córko, na pamiątkę daję

или:

м. р. Ой летíла зозу́ленька через по́ле, га́й.
срб. Jào, же̏но, жи̂ва̂ же̏љо, да̏ што ћу́ ти jâ? [11]).
слов. Rôža cvéla, rôža cvéla blízu Dúnaja.
пол. Ożenił się stary z młodą, razem poszli spać[12])

или:

м. р. Ой, у по́лї крини́ченька — ви́дно дно́.
словацк. Ešče sa vás, mámušečko, spytat mám.

Такъ-же съ урѣзаннымъ на слогъ первымъ стихомъ или, точнѣе, полустишіемъ, за которымъ слѣдуетъ передышка:

10) Въ пѣніи размѣръ ⏑́ ⏑ –́ ⊥ | ⏑́ ⏑ –́ ⊥ | ⏑́ ⏑ –́ ⊥ | ⊥ ⏑ ⊥ (Smoleŕ i Haupt I, LXV).

11) Ср. Hektorović, Ribanje, ст. 229—232.

12) Въ языкахъ, пользующихся слоговымъ стихосложеніемъ, не всегда было возможно пріискать примѣры безукоризненно ритмическія. Впрочемъ ниже будетъ выяснена зависимость слогового стихосложенія отъ стопнаго.

в. р. Ой, спаси́бо-же тебѣ́, сѝнему кувши́ну [13]).
м. р. Чи́ я му́жу не жона́, чи́ не господи́ня?
срб. Да̏рове је спре́мила за сва̏ког јуна́ка.
слов. Kádar bôš ti vândrat šèl, prídi mén' povéjdat.
пол. Musiał księdzu grzywnę dać, marmurową swiécę.

Должно впрочемъ замѣтить, что въ пѣсняхъ чисто народныхъ число слоговъ перваго полустишія рѣдко выдерживается не только при разницѣ между полустишіями всего на одинъ слогъ, о чемъ сказано выше, но и при болѣе значительной, а именно первое полустишіе одной и той-же пѣсни можетъ являться въ видѣ то ◡◡◡ | ◡◡◡, то ◡◡◡ | ◡◡–, то ◡◡◡ | ⊥ – безо всякаго порядка. Поучительно сравнить первые стихи двухъ сходныхъ между собою галицкихъ пѣсенъ — польской:

Jasia konia poił, Kasia wodę brała.
Jaś sobie zaśpiéwał, Kasia zapłakała.
«Nie płacz, Kasio, nie płacz, dosyć tego płaczu:
Pójdziesz do Jasiunia gdyby do pałacu

и малорусской:

Коза́к коня́ напова́в, Дзю́ба во́ду бра́ла.
Коза́к собі́ заспїва́в, Дзю́ба заплака́ла.
«Не пла́ч, Дзю́бо моя́ лю́ба, до́кіль я з тобо́ю;
Як пої́ду на Вкраї́ну, запла́чеш за мно́ю,

которыя допускаютъ одинъ и тотъ-же напѣвъ. Попадается такое разнообразіе и во второмъ полустишіи, напр. у Малорусовъ-же, но несравненно рѣже. Тѣмъ замѣчательнѣе выдержанность очень употребительной строфы, которой первый, второй и четвертый стихи усѣчены, а третій сохраняетъ всѣ восемь слоговъ:

---

13) Этотъ размѣръ, какъ и предъидущій, по видимому, зашелъ въ Великую Россію изъ Малой, почему они и являются часто въ слоговомъ строѣ, напр. въ пѣснѣ (Пальчиковъ, Крестьянскія пѣсни № 110)

Какъ со вечера рябину дождичкомъ мочило

далѣе поется:

Танцу́й, дѣвка, танцу́й, красна, танцу́й веселенько,

что̀ похоже на простой переводъ съ малорусскаго

Танцюй, дівко, танцюй, серце, танцюй веселенько.

Пусти́ менѐ ма́ти, | в по́ле жи́то жа́ти;
Бу́ду, ма́ти, жи́то жа́ти, | до́леньки шука́ти.
Czysta woda, czysta, | tam koniki piją,
Tam si stoi ładna panna, | tam się chłopcy biją[14])

или:

Na té louce zelení | pásou se tam jeleni;
Páse jich tam mysliveček | v kamizolce zelení,

также посредствомъ повторенія стиха:

Teče voda studená, | teče voda studená
K nejmilejší do dvorečka, | k nejmilejší do dvora.

Первая изъ этихъ строфъ есть и у Литовцевъ;

Аугино мочіутė | трис јаунас дукрялѐс.
Ој ку́ варду дуктерė́лѐс, | мочіутѐс дукрялѐс?

и т. д. — пѣсня изъ 12 строфъ, въ сборникѣ Ф. Ѳ. Фортунатова и Вс. Ѳ. Миллера № XXVIII. Причина такого неравенства стиховъ можетъ заключаться въ какихъ-нибудь особенностяхъ соотвѣтствующей имъ пляски. Впрочемъ основа такого построенія строфы не только не славяно-балтійская, но и не славянская, какъ видно напр. изъ того, что оно встрѣчается въ стихотвореніи англійской королевы Елисаветы, состоящемъ изъ своеобразнаго сочетанія стиховъ обыкновенной англійской балладной строфы:

The doubt of future foes
Exiles my present joy;
And wit me warnes to shun such snares,
As threaten mine annoy

14) Но во второй строфѣ того-же краковяка всѣ стихи равны:

«Nie bijcie się, chłopcy, | dla Boga świętego:
Nie pójdę za wzystkich, | tylko za jednego.

То-же явленіе въ другомъ краковякѣ:

Siwy konik, siwy, | malowane sanki,
A ja siadę i pojadę | do swojéj kochanki.
Cztery mili lasu | jadę bez popasu,
Piąta mila — pola, | gdzie kochanka moja.

Оба эти краковяка сообщены мнѣ А. Е. Крымскимъ при слѣдующей припискѣ: «Обідві пісні відомі міні з дитячих літ. Чи були вони де оголошені друком, не знаю».

и т. д. (Thomas Percy, Reliques of ancient english poetry. Vol. 2 p. 169 Tauchn.).

Число слоговъ меньшее числа ритмическихъ единицъ (временъ, χρόνοι), составляющихъ стопы, возможно не только въ концѣ стиховъ, но и внутри ихъ. Примѣры тому мы видѣли выше у Германцевъ и Грековъ, также у Лужичанъ и Словѣнцевъ; но есть ихъ не мало и у другихъ Славянъ, особенно у Русскихъ. Первоначальный стихъ ◡◡◡ | ◡◡◡ и даже ◡◡◡ | ◡◡– рѣдко является у Великорусовъ и Бѣлорусовъ въ чистомъ видѣ, а по большей части со стяженіями, напр. въ общей обоимъ веснянкѣ:

А мы про́со сѣ́яли, сѣ́яли,

которой у Малорусовъ соотвѣтствуетъ (А. Метлинскій, Народныя южнорусскія пѣсни, стр. 296):

Ой, ми по́ле о́ремо, о́ремо,

и таковъ-же обыкновенно этотъ сложный стихъ у Малорусовъ и въ другихъ пѣсняхъ, напр.

Кукуріку, півнику, на току́.

Кромѣ того для пониманія строя русскихъ стиховъ необходимо замѣтить, что въ нихъ 1) ритмическіе ряды ◡◡◡ | ◡◡◡ соединяются по-два такъ тѣсно, что граница между двумя такими рядами, составляющими одинъ сложный стихъ (Langvers, περίοδος), не совпадаетъ обязательно съ концемъ первой стопы, напр. (А. И. Соболевскій, Великорусскія народныя пѣсни, VII, 67):

Ши́ла, вышива́ла тóнки бѣ́лы рукава́

и ниже въ той-же пѣснѣ:

Хва́сталъ онъ, нахва́стывалъ бога́чествомъ свои́мъ;

2) такой-же двусложный или односложный безударный приступъ, какой вслѣдствіе неточнаго разграниченія двухъ членовъ сложнаго стиха образуется передъ вторымъ членомъ, часто прибавляется и къ началу перваго, напр.

Ахъ, у́сыньки, усы́ да удалы́е молодцы́.
А хозя́йка-то божи́тся: «Ни полу́шки за душе́й»;

3) стихъ ⏑́⏑⏑⏑ | ⏑́⏑⏑⏑ подводится подъ одно главное удареніе и образуетъ одну стопу ⏑́⏑⏑⏑⏑́⏑⏑⏑, напр.

Ахъ вы, сѣ́ни, мои́ сѣ́ни, сѣ́ни но́выя мои́.

Соединеніе этихъ трехъ условій даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію строя такихъ вольныхъ, но ритмически правильныхъ сложныхъ стиховъ, каковы слѣдующіе:

Во сто́льномъ го́родѣ Кіевѣ,
У ла́скова кня́зя Влади́міра
Бы́ло пирова́нье, поче́стный пи́ръ,
Бы́ло столова́нье, поче́стный сто́лъ
На мно́ги кня́зи, бо́яра
И ру́сски могу́чи бога́тыри.

Особый видъ этого стиха допускаетъ въ концѣ еще большее стяженіе:

Спла́чется ма́ла пти́чка,
Бѣ́лая пелепе́лка:
«О́хте, мнѣ́, молоды́, горева́ти:
Хотя́тъ сы́рый ду́бъ зажига́ти»

и т. д. (XVII в.). Возможенъ тотъ-же конецъ и съ постоянной передышкой: ⏑́⏑ | ⏑́⏑⏑⏑⏑́⏑⏑⏑ | ⏑́, который впрочемъ измѣряется чуть-ли не всегда вдвое болѣе короткими стопами, вѣроятно, во избѣжаніе черезчуръ долгой передышки, и лишенъ сѣченія (цезуры) по серединѣ:

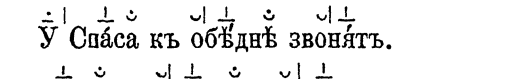
Ты поди́, моя́ коро́вушка, домо́й [15]).

Тамъ-же со стяженіями:

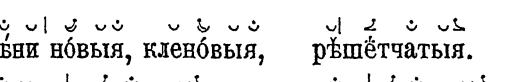
Ужь какъ всѣ́ мужья́ до же́нъ добры́.
Онъ купи́лъ мнѣ́ коровушку.

15) Издатель, акад. А. И. Соболевскій, замѣчаетъ (VII стр. 137): «Пѣсня, можетъ быть, искусственная». Почему? Складомъ и напѣвомъ она совершенно сходна съ величальною «Ужь и нѣ́ было тако́го молодца́», а въ языкѣ не содержитъ ничего хоть сколько-нибудь подозрительнаго.

Въ другой пѣснѣ (XVII—XVIII в.):



И въ тѣхъ пѣсняхъ, изъ которыхъ примѣры приведены выше, гораздо больше стиховъ со стяженіями или, въ сѣченіи, съ передышками, чѣмъ полныхъ, напр. въ «Ахъ вы, сѣни»:



въ «Шила, вышивала»:

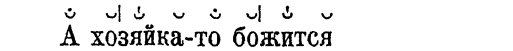
Тамъ-же съ безударнымъ приступомъ:

Первоначальный стихъ ⏑⏑⏑ | ⏑⏑ ⏓ часто стягивается уже въ самомъ началѣ:

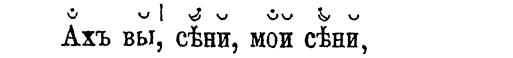
Въ пѣсняхъ протяжныхъ или, иначе, проголосныхъ растяженіе слоговъ доходитъ до того, что напр. изъ стиха

Внизъ по ма́тушкѣ по Во́лгѣ,

въ разговорномъ произношеніи ничѣмъ не отличающагося отъ



или отъ



возникаетъ въ напѣвѣ четырех-членный сложный стихъ (περίοδος τετράκωλος)

а изъ слѣдующаго за нимъ

По широ́кому раздо́лью —

трех-членный (περίοδος τρίκωλος):

По широоко- муу раздооо- ооооль-ю.

Стихъ обычнаго эпическаго размѣра

Вдоль по мо́рю, мо́рю си́нему

въ хороводной пѣснѣ развертывается посредствомъ протяженія и повтореній въ два стиха:

Вдоль по-о морю (дважды),
Вдоль по морю, морю си- инему

и т. п. вплоть до повторенія отдѣльныхъ слоговъ или частей словъ. Такое отношеніе къ рѣчи словно къ подставкѣ для напѣва или къ руслу, по которому онъ течетъ, отличающее также персидское пѣніе, стало возможно лишь тогда, когда не только произошло полное отдѣленіе пѣсни отъ пляски, отъ которой нѣкогда, вѣроятно, зависѣлъ ея строй, но и напѣвъ получилъ на столько самостоятельное значеніе, что, хотя пѣніе не могло обходиться безъ словъ, что̀ свойственно лишь инструментальной музыкѣ, однако пѣвецъ уже считалъ дозволеннымъ свободно пользоваться словами пѣсни для показанія своего искусства во всей его широтѣ. Такое обращеніе съ пѣсенной рѣчью, свидѣтельствующее о высокомъ развитіи пѣнія, не можетъ быть принадлежностью отдаленной, безъискусственной старины, а потому при догадкахъ о временахъ славянскаго единства безопаснѣе придерживаться пѣсенъ, наиболѣе простыхъ и упорядоченныхъ въ своемъ ритмическомъ движеніи, т. е. преимущественно эпическихъ, исполненіе которыхъ по самому ихъ содержанію должно бережно относиться къ словамъ, и плясовыхъ, отличающихся рѣзкой опредѣленностью ритма. Указанными выше стихотворными размѣрами далеко не исчерпывается ритмическое богатство великорусской старинной пѣсни, но для выясненія ея внѣшняго строя въ общихъ чертахъ довольно и сказаннаго. Старинная пѣсня Бѣлорусовъ складывается такъ-же до мелочей; есть въ ней напр. и широко распространенная въ великорусскомъ пѣснопѣніи энклиза:

Изъ подъ лѣ́су, лѣ́су цёмнаго
Ишла́ ту́чка волочо́бная

и т. п. У Малорусовъ пѣсни такого склада встрѣчаются гораздо рѣже, но все-таки встрѣчаются, и при томъ — а это очень знаменательно—особенно между обрядовыми, какова «Петрівочна» (Метлинскій, стр. 312):

Ма́ла ні́чка Петрі́вочка,
Що не ви́спалась на́ша ді́вочка

или «зажнївна» (тамъ-же, стр. 322):

Розгори́ся, вече́рняя зо́ря,
перед ра́ннёю сто́я;
Прибері́ся, на́ша господи́нька,
перед на́ми жнія́ми,

изъ «заплачки» (тамъ-же, стр. 292):

Ой, коли́ нам тебе́ сподіва́ться,
Щоб нам ик тобі́ прибра́ться?,

изъ другой (тамъ-же, стр. 293):

Не чу́єш, моя́ роди́телько,
Не чу́єш ти мене́, моя ріднéсенька?
Одходи́ли твої ні́женьки,
Одроби́ли твої ру́ченьки,
Оддиви́лись твої о́ченьки

и т. д. съ безпорядочной смѣной двустопныхъ стиховъ въ $^4/_4$ (или четырехстопныхъ въ $^2/_4$) и трехстопныхъ въ $^2/_4$, какъ и въ слѣдующей свадебной (Метл., стр. 211):

Зажури́лась перепе́лочка:
«Бі́дна моя́ та голо́вочка,
Що я ра́но из ви́рію ви́летїла!
Ні́где мині́ гнїзда́ звити

(съ энклизою) и т. д.

И такъ стихосложеніе этого рода, т. е. качественное, но не стопное въ новѣйшемъ смыслѣ, предполагающемъ выраженіе каждаго ритмическаго времени внутри стиха особымъ слогомъ, мы можемъ смѣло признать общерусскимъ. Слѣды такого стихосложенія попадаются, по видимому, и у Болгаръ; по крайней мѣрѣ, можно такъ прочесть напр. слѣдующую хороводную (К. А. Шапкаревъ, Сборникъ отъ български народни умотворения. Часть третя, стр. 106):

Ми се по́боли невѐшче-то, ја́с, си́ромах!
А од-ошчо? — Ни о́д-нишчо! —
Ми се на́пило три гъ́рнина благо́-вино, до́-Бога!

и т. д. (ср. также Auguste Dozon, Български народни пѣсни. Chansons populaires bulgares inédites №№ 3, 37, 62, 63, 66, 67, 83, Supplément 5, 6, 11). При такомъ чтеніи, хоть оно, можетъ быть, и не совпадаетъ съ современнымъ намъ напѣвомъ, получается даже тотъ самый размѣръ, который намъ хорошо знакомъ изъ эпическихъ и многихъ плясовыхъ и лирическихъ русскихъ пѣсенъ. Тотъ-же складъ слышится иногда у Болгаръ изъ-подъ излюбленнаго ими осьмисложнаго слогового стиха, напр. (Dozon, № 39):

Да́не ба́не целе́пине,
Да́н ми ба́н ми вино́ пие́
Со се́ляне, сос кме́тове.
Се́ляне му гово́рѣха

и т. д., почти такъ-же, какъ напр. въ великорусской пѣсенкѣ

Ска́четъ га́лка по е́льничку,
Машетъ хвосто́мъ по бере́зничку.

У другихъ Славянъ нечего искать и слѣдовъ такого стихосложенія: одни изъ нихъ сходный съ этимъ въ основѣ складъ стиховъ переняли у Нѣмцевъ, другіе не признаютъ стиха внѣ счета слоговъ. Но каково было ихъ стихосложеніе до иноязычнаго вліянія и до перемѣнъ въ удареніи? какъ слагали свои стихи Сербы и Хорваты ранѣе распространенія штокавскаго выговора и Поляки, Чехи, Лужичане въ то время, когда ихъ удареніе еще не было прикрѣплено однообразно къ такимъ-то мѣстамъ въ словѣ? Можетъ быть — за исключеніемъ равносложности — напр. такъ:

Соколъ гнѣздо̏ ви̏јē у јело̏вōј гори̏,
У јело̏вōј гори̏, на јело̏вōј грāни̏.
Соколу̏ дола̀зē из горê јунāци̏...

Производить такіе опыты съ другими изъ названныхъ выше языковъ, древнѣйшее удареніе которыхъ не засвидѣтельствовано памятниками, было-бы ужь совсѣмъ не научно; относительно этихъ языковъ можно лишь на всякій случай, не принимая на себя никакой отвѣтственности за такое указаніе, упомянуть о томъ, какъ легко даже въ ихъ настоящемъ видѣ примѣняется къ нимъ иногда древне-русское стихосложеніе, напр. въ нижнелужицкой пѣснѣ:

Šłej stej dwje rjednej tam pśi wjazoŕe,
Pśi tom mje wjazoŕe pśi dłymoḱem.
Nikogo ńejstej tam nadejšłoj,
Ak tog' jadnego pśewjadnika

и т. д., между прочимъ

Posreź teje dłyḿe tam pśijjeźeštej.

И такъ очень часто именно у Лужичанъ. Случайность-ли это? Правда, стихотворный складъ лужицкихъ пѣсенъ вообще и этотъ размѣръ носятъ на себѣ несомнѣнную печать нѣмецкаго вліянія, но съ другой стороны нельзя не отмѣтить того, что Нѣмецъ слагаетъ стопу такого ритма обыкновенно изъ двухъ или трехъ слоговъ, а Лужичанинъ нисколько не затрудняется четырьмя и кромѣ того гораздо менѣе Нѣмца гоняется за риѳмой и даже за простымъ созвучіемъ гласныхъ. Вообще у Нѣмца, какъ и у всѣхъ Германцевъ, больше наклонности къ куплетному построенію, которое перешло и къ Словѣнцамъ даже въ сравнительно старыя пѣсни, допускающія русское ритмическое измѣреніе, какова въ Водниковомъ сборникѣ пѣсня Brašno:

Mója mêhka čr̂na rútica
Pólna bélih je solzâ,
Šópek lôša bôm narédila,
Svój'ga šáplja svîtlega [16]).

16) Здѣсь приведена вторая строфа, потому что въ первой есть два сомнительныхъ ударенія.

А складъ рѣчи или, говоря иначе, пѣсенная реторика? У Смолеря и Гаупта лужицкія пѣсни переведены нѣмецкими стихами, но даже въ этомъ превосходномъ переводѣ то та, то другая выдаютъ свое славянское происхожденіе. Да и за только-что приведеннымъ примѣромъ слышится что-то въ родѣ

Проходи́ли двѣ дѣ́вицы, двѣ кра́сныя
У того́-ли у о́зера глубо́каго.
Никого́ онѣ та́мъ не примѣ́тили,
То́лько одного́ перево́зничка.

Есть у Лужичанъ размѣры и не нѣмецкіе, напр. краковякъ, восходящій, по видимому, къ общеславянской порѣ. Почему же не допустить, что изъ нѣмецкихъ стиховъ именно вольные такъ сильно привились на лужицкой почвѣ вслѣдствіе своего сходства съ вольными-же стихами славянскими, сохранившимися у Лужичанъ издревле? Такое предположеніе едва-ли можно опровергнуть указаніемъ на то, что у Лужичанъ, какъ и у Нѣмцевъ, эти стихи трехдольны, а у насъ — по крайней мѣрѣ, какъ кажется, первоначально — двухдольны: и нашъ эпическій стихъ поется иногда трехдольно, напр.

Ты прости́, проща́й, ве́сь во́льный свѣ́тъ

или въ той-же пѣснѣ:

Въ зелены́хъ-то луга́хъ та́мъ ростётъ трава́[17]).

Этотъ ритмъ могъ развиться у Лужичанъ постепенно путемъ превращенія первоначальнаго двухдольнаго стиха ⏑́⏑⏑́⏑ | ⏑́⏑⏑́⏑ въ трехдольный ⏑́⏑–́–́ | ⏑́⏑–́–́, какъ

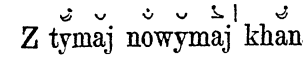
Hólčik jjedže po -wsy delje,
Holčo dzješe po wodu.

Такой стихъ мы находимъ въ польской мазуркѣ, напр.

Jeszcze Polska nie zginęła.

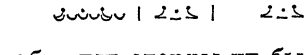
17) У Пальчикова (Крестьянскія пѣсни № 65) въ этой пѣснѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, приступъ не выдѣленъ.

Отсюда путемъ разложеній, какія встрѣчаются и въ той-же лужицкой пѣснѣ, напр.



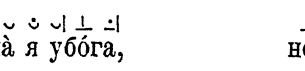
Z tymaj nowymaj khanamaj [18]),

и потомъ посредствомъ новыхъ стяженій легко получить четыре четверти въ чистомъ видѣ, какъ у Шопена въ одной изъ мазурокъ:



Но какъ-бы слабы или спорны ни были остатки славянской старины въ лужицкихъ пѣсняхъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что старинное русское стихосложеніе возникло не позже поры единства всѣхъ русскихъ племенъ, а такъ какъ оно представляетъ собою стихотворный складъ гораздо болѣе древній, чѣмъ стихи прочихъ Славянъ, отчасти чуждые по происхожденію, отчасти заключенные въ опредѣленное число слоговъ, древность его, по всей вѣроятности, заходитъ за предѣлы обще-русскаго языка. Однако для того, чтобы признать его обще-славянскимъ, нужно доказать, что всѣ роды славянскаго стихосложенія, не носящіе на себѣ явныхъ признаковъ чужого вліянія, могутъ быть выведены изъ того склада, который лежитъ въ основѣ древне-русскаго стихосложенія.

Всѣ Славяне, кромѣ Великорусовъ, Бѣлорусовъ, Словѣнцевъ и Лужичанъ, пользуются такъ называемымъ слоговымъ (силлабическимъ) стихосложеніемъ, т. е. основаннымъ на счетѣ слоговъ. Это не значитъ, чтобы въ каждомъ стихѣ было необходимо совершенно одинаковое число слоговъ; такое условіе исполнимо только въ искусственной поэзіи, а въ народной, неизмѣнно сопровождаемой пѣніемъ, оно и ненужно, и въ самомъ дѣлѣ мы могли убѣдиться хотя-бы изъ помѣщенныхъ выше примѣровъ, что народъ соблюдаетъ его далеко не всегда. Но отмѣченные тамъ случаи неравенства стиховъ сводятся къ пропуску или прибавкѣ слоговъ не внутри стиха, а въ концѣ, гдѣ возможна передышка. Помимо этого мѣста, допускающаго и другія вольности, напр. въ количественныхъ стихахъ—безразличный слогъ, число слоговъ меньшее числа ритмическихъ единицъ времени встрѣчается развѣ лишь въ общеизвѣстныхъ и прочно утвердившихся видахъ стиховъ, напр. въ томъ, къ которому относится польскій краковякъ, но, конечно, предназначенномъ не для сопровожденія пляской, напр. въ малорусской пѣснѣ:



Хоча̀ я убо́га, не ма́ю гро́шей [19]),
Не піду́ за те́бе, бо ти нехоро́ший.

18) У Смолеря и Гаупта (I, LXV), кажется, опечатка въ нотахъ.

19) Такъ у Метл. стр. 113; но поютъ, вѣроятно, и «хоч не маю грошей». Для размѣра сравни впрочемъ Радомысльскую стр. 361—362 (послѣдній стихъ строфы).

и т. д. съ разными измѣненіями, между прочимъ

Я ж тобі́ доріженьку перегоро́жу,

въ болгарской:

Посади́л ми де́до три леи цфекье

и въ той-же пѣснѣ (Шапкаревъ III, стр. 111):

Да му го ко́рнат ко́рен по ко́рен,

въ польской:

Już miesiąc zeszedł, gwiazda się zaćmiła,

въ чешской:

Hezké je to město, to město Praha,

въ лужицкой:

Zady našej pecy kuntworki 'raja,
Čerwene, zelene suknički maja

и въ той-же пѣснѣ (Smolér i Haupt I, LXII) даже

Kup mi lik, kup mi lik, Juračko, woła[20]).

---

20) Ср. Малорусскую:

Сі́явъ мужи́к жи́то, жінка ка́же: «Ма́к, ма́к».
Нехàй та́к, нехàй та́к: нехàй жи́то бу́де ма́к

и латышскую (Э. А. Вольтеръ, Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Витебской губерніи I, стр. 12, № 17):

Ceiruls olu dora iz to mita gola.
Wel nâ tai, wel nâ tai, soksim wel no gola.

То-же съ нѣсколько болѣе длиннымъ основнымъ стихомъ во второй части строфы чешскаго страшака (strašák—родъ польки):

A já jednu miluju a druhé zas slibuju.
Já sem tak, jako pták: pomiluju, nechám tak.

Такъ-же въ пятой строфѣ старо-польской Богородичной пѣсни:

Nas dla wstał z martwych syn Boży — wierzyż w to, czlowiecze zbożny,
Iż przez trud Bóg swój lud odjął djablej stróży,

Свободно употреблены стянутые виды стиха въ примѣрахъ болгарскомъ и лужицкомъ, а въ польскомъ и въ чешскомъ стяженія пріурочены однообразно къ опредѣленнымъ мѣстамъ строфы съ не меньшею искусственностью, чѣмъ у Франциска Карпинскаго (Pieśni, księga II, XXXI Szczęście przy Dorydzie):

Kiedy ja usiądę
Oczy w nię wlepię
A ona mi jeszcze
Day mi twe serce:

koło méy Dorydy,
i zapomnę biédy,
powie, jak mawiała:
jam ci moje dała

и т. д. съ Wtenczas, Jeszcze, Dla jéy, Zorzę въ началѣ каждаго второго стиха, очевидно, ради ритма, который довольно исправно соблюденъ въ этомъ стихотвореніи (см. однако ст. 3). И такъ стяженія помимо конца мы находимъ въ совершенно опредѣленномъ стихотворномъ размѣрѣ, до такой степени ясномъ не только слушателю, но и читателю, что ихъ рѣшился употребить въ немъ, хоть и съ предосторожностями, такой ужь совсѣмъ не народный поэтъ, какъ Карпинскій. Возможно, что и сербскій десятисложный стихъ стянутъ изъ двѣнадцати-сложнаго и т. д. (ср. мое изслѣ-

---

если третье полустишіе ритмически не одинаково съ четвертымъ. Такъ-же въ мадярской пѣснѣ того-же склада:

Kinek van, kinek van
Annak van, annak van

karika gyürűje,
barna szeretője

и т. д. и даже въ искусственномъ Családi kör Ивана Арани (Arany János):

Este van, este van:
Feketén bólingat
Zug az éji bogár,
Nagyot koppan akkor,

kiki nyugalomba!
az eperfa lombja,
neki megy a falnak,
azután elhallgat

и т. д. Изъ одной чешской (ганацкой) пѣсни мнѣ вспоминается припѣвъ, приблизительно такой:

Budeš má, budeš má,
Byť chťula, byť nechťula.

Есть и въ одной великорусской пѣсенкѣ не то нѣмецкаго, не то чешскаго происхожденія такіе стихи, распѣваемые на голосъ такихъ-же стиховъ страшака:

Хи, хи, хи! ха, ха, ха!
Какъ намъ жалко пѣтуха!

дованіе «Происхожденіе десятисложнаго стиха южныхъ и западныхъ Славянъ» въ «Сборникѣ въ честь В. И. Ламанскаго»).

Но вообще числовое начало въ этомъ родѣ стихосложенія сохраняетъ свою существенность тѣмъ болѣе, что такіе стихи слагаются безъ опредѣленнаго, выдержаннаго ритма. Однако и послѣднее правило требуетъ оговорки. Во первыхъ оно касается слоговыхъ стиховъ лишь въ разговорномъ произношеніи, а пѣніе вноситъ въ нихъ ритмъ, не менѣе строгій, чѣмъ во всякіе иные, хотя въ тѣхъ языкахъ, которые не сохранили никакихъ остатковъ древнѣйшаго стихосложенія, этотъ ритмъ состоитъ изъ двусложныхъ и четырехсложныхъ стопъ, т. е. бываетъ всегда двухдольный, а если и трехдольный, то все-таки въ четырехъ слогахъ: ♩♩♩♩, напр. въ мазуркѣ. Во вторыхъ должно замѣтить, что относительно единственнаго въ качественныхъ (тоническихъ) языкахъ способа осуществленія ритма, а именно— посредствомъ совпаденія двухъ ударенiй, ритмическаго и разговорнаго, въ одномъ и томъ-же слогѣ, языки, пользующіеся слоговымъ стихосложеніемъ, должны быть раздѣлены на два разряда: языки, ищущіе указаннаго совпаденія, по крайней мѣрѣ, въ концѣ стиха[21]) или ритмическаго ряда, передъ сѣченіемъ, и языки, равнодушные къ этому совпаденію. Къ первому разряду принадлежатъ языки романскіе (кромѣ румынскаго, въ искусственной поэзіи усвоившаго себѣ стопное стихосложеніе), а изъ славянскихъ — польскій, ко второму — сербо-хорватскій, болгарскій (не въ письменности), чехо-словацкій (также, но не всегда) и отчасти малорусскій. Возможно впрочемъ, что и у Поляковъ совпаденіе разговорнаго ударенія съ ритмическимъ въ концѣ стиха или полустишія или, по напѣву, музыкальнаго предложенія зависитъ не отъ какого-либо правила, хотя и безсознательнаго, а просто отъ того, что разговорное удареніе падаетъ по-польски на предпослѣдній слогъ слова, что̀ въ свою очередь обусловливаетъ женское окончаніе ритмическихъ рядовъ за исключеніемъ лишь того случая, если въ концѣ окажется односложное ударяемое слово. Но такихъ словъ сравнительно мало, и народъ не станетъ ихъ подъискивать такъ, какъ напр. Асныкъ въ чрезвычайно искусно сложенномъ стихотвореніи Różowa chwilka:

Piękny jest ten gaj, Piękną jezior toń,
Piękny świeży maj, Co roznosi woń

и т. д. Потому совершенно естественно дается упомянутое совпаденіе въ народномъ двѣнадцати-сложномъ стихѣ (краковякъ):

Opuszczę te kraje, pojadę w te strony,

21) Ср. въ количественно-слоговыхъ древне-санскритскихъ gāyatrī и anuṣṭu'b почти обязательное окончаніе ⏑ — и въ возникшемъ изъ anuṣṭu'b классическомъ çloka безусловно обязательное въ концѣ ⏑ — ⏑—.

въ искусственномъ соотвѣтствующемъ нашему пяти-стопному ямбу одиннадцатисложномъ:

Śniła się zima, ja biegłem w szeregu,

и т. п., хотя, при встрѣчѣ ударений обоихъ родовъ лишь передъ остановками, только-что приведенные примѣры съ точки зрѣнія качественно-стопнаго склада кажутся не трохаическимъ и ямбическимъ, какъ они должны слышаться въ пѣніи, а амфибрахическимъ и дактилическимъ. Но Полякъ объ этомъ не думаетъ, обращая вниманіе лишь на послѣднія ударенія. Однако въ самомъ обычномъ и распространенномъ размѣрѣ, который или остался изъ тѣхъ временъ, когда польское удареніе еще не было закрѣплено за предпослѣднимъ слогомъ, или заимствованъ Поляками у Малорусовъ, въ тринадцати-сложномъ стихѣ совпаденіе обоихъ ударений на исходѣ перваго полустишія представило имъ, по малой мѣрѣ, съ XVI в., первой извѣстной намъ поры его появленія, такую трудность, что они не успѣли вполнѣ справиться съ нею и въ XIX в. Ритмъ этого стиха въ напѣвѣ тотъ-же, что въ уже приведенномъ малорусскомъ примѣрѣ

Чи я мужу не жона, чи не господиня?

Такъ и у Рея (Rozdzyał piąty):

Widzisz iáko marny swiát ná tym sie zásádził

съ односложнымъ словомъ въ сѣченіи. Но, чѣмъ болѣе этотъ размѣръ былъ употребителенъ, тѣмъ чаще слагатели стиховъ должны бывали разрѣшать себѣ въ этомъ мѣстѣ болѣе длинныя слова, а при нихъ разговорное удареніе падало на предпослѣдній слогъ полустишія, что̀ по требованіямъ стоннаго стихосложенія давало такой ритмъ, какой мы находимъ у Рея въ стихѣ, слѣдующемъ за выписаннымъ:

A iáko dzyeći cżaczkiem, ták nas wszytki zdrádził,

т. е. тотъ-же, что — mutatis mutandis — въ латинскомъ Сатурновскомъ [22]).

---

22) Разумѣется, если мы будемъ читать versus, quos olim Fauni vatesque canebant, такъ, какъ ихъ читалъ Теренціанъ Мавръ, разбирая въ видѣ примѣра угрозу Метелловъ Невію:

«Malum dabunt Metelli» clauda pars dimetrist;
Post «Naevio poetae» — tres vides trochaeos,

Но Полякамъ нѣтъ дѣла до разговорныхъ удареній ни въ началѣ, ни въ серединѣ полустишія, и потому при чтеніи они довольствуются блѣднымъ и шаткимъ подобіемъ случайнаго ритма, основаннымъ лишь на двухъ удареніяхъ, изъ которыхъ только одно связано опредѣленнымъ мѣстомъ:

Litwo, ojczyzno moja, ty jesteś jak zdrowie.
Ile cię trzeba cenić, ten tylko się dowie,
Kto cię stracił. Dziś piękność twą w całej ozdobie
Widzę i opisuję, bo tęsknię po tobie.

Но въ той-же первой книгѣ «Пана Тадеуша» черезъ какихъ-нибудь три страницы мы натыкаемся на стихъ

Wyszedł zmieszany i czuł, że mu serce biło,

на слѣдующей страницѣ:

Od dni kilku zbiera się na sądy graniczne

и т. п. съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ перваго полустишія, въ томъ числѣ и

He. Ojczyzna! Ja nie szpieg, a po polsku umiem,

что̀ въ пѣніи дастъ тотъ самый ритмъ, въ который отлился идеальный съ этой стороны стихъ Кохановскаго въ «Сатирѣ» (Satyr):

W różnych głowach muszą być różne obyczaje,

а не такъ, какъ вздумалось читать этотъ стихъ Турнейзену будто-бы по древнѣйшему разговорному ударенію:

Malum dabunt Metelli Naevio poetae

безъ вниманія къ количественности. Но если мы вообразимъ себѣ хоть славянскія строки съ такимъ-же распорядкомъ долготъ и краткостей, напр. — да не посѣтуютъ сербскіе и чешскіе читатели на эту нескладицу! —

У̏ то̄м ти̏хо̄м за̀хлāђу мла̑д сла̀вӯј жу̀бо̄ркā.
Kdež dub stojí tajemný, tam stená holoubek,

количественный ритмъ едва-ли ускользнетъ и отъ славянскаго уха, не пріученнаго къ такому строю стиховъ; а могъ-ли его не замѣтить Римлянинъ, да еще въ стихахъ латинскихъ? Ср. Fr. Leo, Der Saturnische Vers. Berlin. 1905.

т. е. основной качественно-стопный. Не даромъ и нашъ Кантемиръ, писавшій свои тринадцатисложные стихи по польскому образцу, въ позднѣйшихъ своихъ сатирахъ сталъ склоняться къ мужескому окончанію перваго полустишія, напр.

Тотъ лишь въ жизни сей блаженъ, кто малымъ доволенъ.

Въ старину такіе стихи попадались у Поляковъ сплошь да рядомъ и даже не въ одиночку, напр. у Рея Do Boga:

Day słyszeć on wdzięczny głos pospołu z onemi,
Które będziesz raczył zwać przyjacioły swemi.

Но, какъ мы видѣли, не вывелись они и у позднѣйшихъ стихотворцевъ. И хорошо дѣлаютъ Поляки, что, хоть изрѣдка и безсознательно, вспоминаютъ стопный первообразъ, потому что только съ его помощью и можно слѣдить непосредственно и постоянно за правильнымъ строемъ такого громоздкаго стиха. Иначе, отвлекшись отъ образца ⏑–|⏑–, легко сбиться съ вѣрнаго расчлененія, какъ въ «Іудиномъ мѣшкѣ» (Worek Judaszow):

Za sprawedliwe się i za nabożne stawią

или тамъ-же:

Przyczynę kładą i na potrzebę zawitą

и еще хуже у стихотворца XIX в., Люціана Семенскаго (Fraszki, Przesada):

Czemu? bo i pomysł zwy- czajny i obrazy.

Можно запутаться и въ счетѣ слоговъ, что̀ случилось съ Мицкевичемъ въ первой книгѣ «Пана Тадеуша»:

Z palcami swemi zabiegał aż do drugiej strony,

если только не правъ Р. Ѳ. Брандтъ, подозрѣвая, что самъ Мицкевичъ написалъ Z palcy. Допустимо впрочемъ, что это слишкомъ длинное полустишіе вырвалось у Мицкевича въ силу воспоминанія о такихъ народныхъ стихахъ, какъ

Oj, a gdzież ten krzywy Jan, co chodził z toporem,
Kijanką się opasywał, podpierał się worem?

И лучше было-бы Полякамъ усвоить себѣ въ письменности полный видъ полустишія, не требующій ни особыхъ усилій со стороны стихотворца,

ни противорѣчія между ударѐніями ритмическимъ и разговорнымъ тамъ, гдѣ они должны сходиться. Та-же борьба замѣчается на первыхъ порахъ и въ одиннадцатисложномъ стихѣ, котораго стопный строй можно найти кое-гдѣ уже у Рея, напр. въ Pokoy z walką:

Jednego walka zniszczy tak i z domem,

но тамъ-же:

Dziwnato jest rzecz, kiedy się dwa zwadzą,

гдѣ впрочемъ вслѣдствіе долготы закрытаго *a* въ dziwna, да еще при энклизѣ, ритмъ могъ быть лучше, нежели намъ кажется; но несомнѣнно рѣзкое противорѣчіе въ стихѣ

Lać niewinną krew prze uporną chciwość.

Янъ Кохановскій уже рѣшительно избѣгаетъ такого ритма даже въ сапфинской строфѣ, гдѣ онъ могъ-бы найти себѣ оправданіе въ древнемъ первообразѣ, особенно латинскомъ у Горація. Впрочемъ у Карпинскаго (Pieśni, księga II, XIII = Przeciwko Fanatyzmowi):

Kiedy ktoś ręce równo ze mną wznosi,
Nie potępiać go, on je wzniósł do góry,

если онъ не имѣлъ въ виду какого-нибудь особеннаго мѣстнаго выговора. Таковы исключенія изъ правила о согласованіи послѣдняго въ стихѣ или полустишіи ритмическаго ударенія съ разговорнымъ; но правило остается.

Въ языкахъ, не ищущихъ этого совпаденія, вопросъ объ ударѐніяхъ отчасти сложнѣе, отчасти проще. Обратимся прежде всего къ племени, стихосложеніе котораго кажется особенно загадочнымъ даже въ рукахъ писателей, пользующихся чужими размѣрами, — къ Сербамъ и Хорватамъ, слагающимъ стихи, помимо разницы въ ударѐніяхъ ихъ нарѣчій, совершенно одинаково. Оговоримся, что здѣсь рѣчь идетъ только о Штокавцахъ такъ какъ въ тѣхъ немногихъ образчикахъ пѣсеннаго творчества Чакавцевъ, которые до сихъ поръ извѣстны, слѣды чакавскаго ударенія, если и есть, то во всякомъ случаѣ незначительны вслѣдствіе очевиднаго подражанія штокавскому складу. Чтобы выяснить себѣ понятія самихъ Сербовъ и Хорватовъ о средствахъ ихъ языка для осуществленія ритма, разсмотримъ въ видѣ примѣра стихотвореніе, по намѣренію сочинителя, стопное—«Іуначки одговор» Миты Поповича, поэта новаго, родомъ изъ города Баи (Бања)

въ Бачкѣ, что̀ важно въ томъ смыслѣ, что говоръ австрійскихъ Сербовъ занимаетъ какъ-бы середину между говорами балканскихъ и хорватскихъ Штокавцевъ (не Кайкавцевъ, склоняющихся отчасти къ чакавщинѣ, отчасти къ словѣнщинѣ). Кромѣ того это стихотвореніе написано трохеями, болѣе свойственными сербо-хорватскому языку, чѣмъ какая-бы то ни была стопа, и потому наиболѣе привычными слуху сербскаго или хорватскаго стихотворца изъ народныхъ пѣсенъ:[23])

Пру̏жило се по̏ље ра̂вно,
По̏ље ду̏го, зѐлено,
А на њѐму кнêз Дани́ло
Пи̏је ви́но цр̀вено.

Према њѐму О̀мер-па̀ша
Ра̏запео ша̏торе,
Па он ша̏ље по̀сланика,
Да му с' ла̏ви по̀коре.

Сви̏ се гро̂том насмѐјаше,
Кнêз Дани́ло на̂јвише,
Па о̏дговор О̀мер-па̀ши
На фи̏шеку он пи̏ше:

«Ро̀дио си с', да кр̏ст бра̂ниш,
А са̏д си му ти зло̏твор;
По̀турице О̀мер-па̀ша,
Фи̏шек ти је о̏дговор!»[24])

---

23) Ударенія размѣчены въ этомъ стихотвореніи преподавателемъ Бѣлградской Великой Школы Радованомъ Ивановичемъ Кошутичемъ изъ Срема, гдѣ говорятъ нарѣчіемъ очень сходнымъ, если не тождественнымъ, съ бачванскимъ. Въ этомъ нарѣчіи конечныя открытыя гласныя, по видимому, вездѣ сокращаются, а закрытыя — тамъ, гдѣ имъ предшествуетъ неударяемый слогъ, слѣдующій за ударяемымъ, или долгота, хотя и ударяемая, или короткое нисходящее удареніе; и такъ *во̀де, го̀вори, го̀ворим, и̏зговор, гла́вом, ри̏бом*. Но *ка̏мēн* (= камень, а *ка̏мен* = каменный) съ явственной долготой, а *чѝнӣм, во̀до̂м, госпо̀да̄р, стру̀га̄ч* даже съ такимъ преобладаніемъ долготы надъ удареніемъ, что слышится почти *чини̂м, водо̂м* и т. п., если же за долготой съ предшествующимъ короткимъ восходящимъ удареніемъ слѣдуютъ еще одинъ или два слога, удареніе падаетъ на эту долготу: *чини̂мо, чини̂те*, также *пије̂мо, пије̂те*, потому что тамъ говорятъ не *пи̏јēм, пи̏јēш, пи̏јē*, а *пѝјēм, пѝјēш, пѝје* (однако *би̏јем, кри̏јем* и т. п.). Иногда, какъ и во многихъ другихъ нарѣчіяхъ, короткое восходящее удареніе уступаетъ въ Сремѣ свое мѣсто короткому нисходящему, примѣры чему ниже.

24) По Вуку и Даничичу *ра̂внō, ду̏гō, зѐленō, пи̏јē, цр̀венō, раза̀пео, шато̀ре* (? *ша̀тор* род. *шато̀ра*), *па̂, ша̏љē, по̀сланӣка, по̀корē, пи̂шē, бра̂нӣш, о̏дговōр*.

Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторые случаи противорѣчія между удареніями ритмическимъ и разговорнымъ. Въ стихѣ 9 *насмѐјаше* и въ ст. 12 *на фи̏шеку* въ значеніи двухъ трохеевъ — оба случая съ восходящимъ удареніемъ на второмъ слогѣ, которое, очевидно, не только звучитъ слабо, съ относительно ничтожнымъ напоромъ, но и захватываетъ въ предѣлы своего дѣйствія, согласно съ наблюденіями проф. Мазинга, послѣдующій слогъ достаточно сильно для того, чтобы онъ могъ при нуждѣ сойти за ритмически ударяемый и даже распространить свою ритмическую силу назадъ черезъ непосредственно предшествующій ему слогъ, какъ въ стихѣ Пушкина

На бѐрегу̀ пусты̀нныхъ во́лнъ

ударяемый слогъ *гу̀*, подавляя слогъ *ре*, усиливаетъ слогъ *бе*. Въ ст. 11 сочетаніе *Па о̏дговор* представляетъ собою два трохея, въ ст. 12 *он пи̏ше* и въ ст. 14 *ти зло̏твор* — кретики, въ ст. 13 *да кр̏ст* и въ ст. 14 *А сад* — трохеи, гдѣ ритмомъ обойдено уже нисходящее удареніе, сильное, но лишь на одно мгновеніе[35]), и во всѣхъ пяти случаяхъ оно ритмически пропадаетъ послѣ односложныхъ словъ. Всѣ эти сочетанія словъ можно признать кретиками и трохеями больше въ умозрѣніи, чѣмъ на дѣлѣ. И все-таки Сербъ принимаетъ такія сочетанія съ односложнымъ впереди, особенно двухъ односложныхъ, когда нужно, за трохеи и другія нисходящія стопы, если не по слуху, то по привычкѣ къ подавляющему дѣйствію односложнаго слова на слѣдующее удареніе,—привычкѣ, глубоко укоренившейся въ ритмическомъ сознаніи сербо-хорватскаго племени и, конечно, имѣющей физіологическое основаніе.

Разберемъ еще одинъ примѣръ личнаго, искусственнаго творчества, менѣе стройный въ ритмическомъ отношеніи, — изъ Аріостова Orlando furioso въ переводѣ Драгиши Станоевича, замѣчательномъ между прочимъ тою особенностью, что переводчикъ, подобно недавно скончавшемуся словѣнскому ученому и поэту, Ва́лявцу, признаетъ риѳмы только съ безусловно одинакими удареніями, которыя онъ и размѣтилъ на всѣхъ риѳмующихся словахъ. Возьмемъ строфу семидесятую двадцать-пятой пѣсни, разставивъ однако ударенія не на однихъ послѣднихъ словахъ каждаго стиха и вообще на помѣченныхъ самимъ переводчикомъ, а на всѣхъ ударяемыхъ и замѣ-

---

25) Такъ и на долготѣ, потому что напр. *â* звучитъ приблизительно какъ *а̏а*, а не какъ *ȁа*, и напрасно я склонялся къ смѣшенію сербскаго ^ съ греческимъ ~ («Двоегласныя въ древне-греческомъ языкѣ съ физіологической точки зрѣнія» примѣч. 6—въ «Сборникѣ статей» въ честь Ф. Ѳ. Фортунатова). Къ упомянутому тамъ *два̏а* вмѣсто *два̂* прибавь изъ Вука-же *та̏обора* вмѣсто *та̑бора* въ стихѣ

Усред ту̏рско̄г си̏лна та̏обора.

нивъ знакъ ⏓ на долгихъ неударяемыхъ гласныхъ обыкновеннымъ знакомъ долготы. Размѣръ — такъ называемый дванаесте́рац, уже извѣстный намъ ⏑⏑⏑ | ⊥ ⊥ | ⏑⏑⏑ | ⊥ ⊥.

Родо̀ману[26]) да̏ти
За о̀тēту, сми̏сли
Марфи́зу, ви̏тēштвом
Хтје̏де употре́бит'
К'о да А́мор нêмā
Нит' опѐрисати
К'о да би̂вā да̏ се
О̀нōм, што Та̀тарин

дје́ву у за̏мену
Та̀тарин[27]) пра̀ктичкӣ,
сво̀јијем зна̏мену,
при тра̂мпи фа̀ктичкӣ!
во̀љицу ста̏мену,
у̀мијē та̀ктичкӣ!
и о̂н прила̀годӣ
јѐдан му на̀годӣ.

Ст. 1: *Родо̀ману*, ст. 3: *Марфи́зу*, ст. 7: *прила̀годӣ*, ст. 8: *Та̀тарин* и *на̀годӣ* — ср. замѣченное выше къ ст. 8, а въ ст. 2 *За о̀тēту* ритмическое усиленіе слога *тē* облегчается долготою и предшествующимъ одноносложнымъ словомъ, въ ст. 2 *пра̀ктичкӣ*, въ ст. 4 *фа̀ктичкӣ*, въ ст. 6 *та̀ктичкӣ* предпослѣдніе слоги также долги по положенію. Въ ст. 3 *ви̏тēштвом* съ амфибрахическимъ измѣреніемъ извиняется долготою середняго слога. Труднѣе объяснить возможность такой постановки словъ *за̏мену*, *зна̏мену*, *ста̏мену* въ концѣ стиховъ 1, 3 и 5. Въ первомъ изъ этихъ случаевъ еще можно допустить вліяніе предшествующаго *у* какъ односложнаго, а въ двухъ остальныхъ мыслимо лишь одно — такое-же вліяніе предшествующихъ *сво̀јијем* и *во̀љицу*, дактилей съ ритмическимъ значеніемъ кретиковъ. Что риѳма въ этихъ стихахъ составлена изъ трехъ слоговъ, а не изъ двухъ, какъ требуетъ размѣръ, зависитъ только отъ щепетильно-добросовѣстнаго отношенія переводчика къ разговорному ударенію помимо его связи съ удареніемъ ритмическимъ. Это видно между прочимъ изъ тѣхъ стиховъ, которыхъ риѳма состоитъ изъ неравныхъ словъ, двусложнаго и болѣе длиннаго, напр. XXIV 53 ст. 7—8:

Ѝзрāжена бје̏ше
На ли́цу дјѐвичнōг

неи̏змјерна[28]) бо̂љка
о̀вōга пу̏пōљка

или тамъ-же 61 ст. 7—8:

На Дуринда́нино
Јури̏шати бо̀гме

сијѐвāње стра̂шнō
дје̏ло је за̏мāшно,

26) Или *Родома́ну?*

27) По выговору Р. И. Кошутича *Та̏тарин.*

28) По выговору Р. И. Кошутича *бе́ше неи̏змēрна.* Впрочемъ простое прошедшее несовершенное въ сремскомъ нарѣчіи почти пропало.

что̀ Станоевичъ со своей точки зрѣнія могъ разрѣшить себѣ только потому, что писалъ по Вукову способу *пу̏по̂лька*, *за̏ма̂шно*, обозначая долготу за удареніемъ той-же дугой, какою въ *бо̂лька* и *стра̂шно̄* отмѣчено самое ударѐніе. Та-же забота, отчасти зрительная, о полномъ взаимномъ сходствѣ риѳмующихся словъ, начиная съ ударяемаго слога, не менѣе явствуетъ изъ риѳмъ, захватывающихъ цѣлыхъ два трохея, какъ тамъ-же въ строфѣ 85:

Уза́луд по̀током — су̏зе про̀лијева̄,
Го̀лемо̄ме ја̏ду — не одо̀лијева̄.

Правда, въ послѣднемъ примѣрѣ созвучіе доведено до такого совершенства, дальше котораго можетъ завлечь только шутка, подобная Пушкинской въ «Графѣ Нулинѣ»:

Но что-же дѣлаетъ супруга
Одна, въ отсутствіи супруга?

А Сербы не раздѣляютъ такой взыскательности къ созвучіямъ и довольствуются риѳмами напр. Йована Илича, у котораго среди стиховъ тогоже размѣра нетрудно найти такіе (Космај):

Од ту̀тњаве̄ пу̏сте̄ — и́грē и пје̏са̄ма̄
Чи́нӣ ти се, по̂бро, — го̀ра се про̀ла̄ма̄!
Ти̏пе ца̂гор ди̏гле — по го̀ри зѐлено̄ј,
Да прѐотмӯ жу̏бер — во̀дици сту̏дено̄ј [29]),
Прѐлијећӯ ле̂том — ви́лино ко̀рито,
Гдје'но ви́ла ку̏па̄ — че̏до по̀носито̄.
О̀да̄вно је би́ло, — ал' се и̏ сад па̂мтӣ,
Кад но гњѐвом Ма̂рко — на ви́лу за̏пламти.
И ко̏л'ко се, по̂бро, — за̏нио би̏ја̄ше,
У ко̀риту си́на — по̀сјећи јој шћа̂ше!
Врѝсну б'је̂ла̄ ви́ла, — и Бо̄г јој по̏може:
У ко̀риту Ма̂рко — сало̀мио но́же.
Но је ју̏на̄к ди̏ван — спо̏ме̄н о̀ставио,
Те се и̏ сад па̂мтӣ, — ко̏ је Ма̂рко би́о.

Цѣль этой довольно длинной выписки состоитъ въ томъ, чтобы 1) показать, какія условія Сербъ считаетъ достаточными для ясности двуслож-

29) Въ Сремѣ *сту̏деној* (ср. у Вука *сту̏де̄н* ж. р. = стужа), ниже *њѐвом* (ср. у Вука *њѐван*, *њѐвити*), *бија́ше*. О сокращеніи конечныхъ гласныхъ уже было сказано въ примѣчаніи 23.

наго созвучія, которое — что̀ важно для этого изслѣдованія — содержитъ въ себѣ слогъ ритмически ударяемый, и 2) провѣрить на примѣрѣ, по замыслу стопномъ, но довольно безъискусственномъ, тѣ соображенія о ритмическихъ средствахъ сербскаго языка, которыя изложены выше по поводу другихъ двухъ примѣровъ. И эти соображенія подтвердились на столько, что теперь, кажется, можно выразить ихъ въ видѣ правилъ, хотя-бы только предварительныхъ, ожидающихъ дальнѣйшей провѣрки со стороны самихъ Сербовъ и Хорватовъ, изъ которыхъ внимательно разсматривалъ этотъ вопросъ чуть-ли не одинъ Миливой Шрепелъ въ своей книгѣ Akcenat i metar junačkih narodnih pjesama (Zagreb 1886). И такъ: 1) ритмическое удареніе можетъ падать не только на разговорно ударяемые слоги, но и на непосредственно сосѣдніе съ восходящимъ удареніемъ, которое въ такихъ случаяхъ лишается своего ритмическаго значенія, напр. *наба̀цати* — не только ⏑⏑́⏑⏑́, но и ⏑́⏑⏑́⏑, и такъ-же *зага́сити*, не смотря на долготу; 2) односложное слово, въ разговорѣ даже неударяемое, можетъ считаться ритмически ударяемымъ со всѣми послѣдствіями этого усиленія для послѣдующаго слова, напр. *у ри̏бама* — не только ⏑⏑́⏑⏑́, но и ⏑́⏑⏑́⏑; 3) такое-же дѣйствіе имѣютъ иногда слова и сочетанія по разговорному ударенію дактилическія, напр. *ги̏здава ки̏тица* = ⏑́⏑⏑́⏑⏑́⏑, *о̏д зла̄та ја̏бука* = ⊥–⏑́⏑⏑́⏑; 4) всѣ эти условія значительно поддерживаются долготою въ качествѣ ритмически ударяемаго слога, напр. 1) *наба̀ца̄мо* = ⏑́⏑⊥⏑, *зага́сӣмо* = ⏑́–⊥⏑, 2) *да ви̏дӣмо* = ⏑́⏑⊥⏑, *зло̏поглēђа* (только внѣшнее сложеніе, Zusammenrückung) = ⏑́⏑⊥⏑, 3) *зла̂ћено̄м ја̏буко̄м* = ⊥⏑⊥⏑⏑́⏑, *ту̏рско̄га ко̏њӣка* = ⊥–⏑́⏑⊥⏑, еще лучше *зла̂ћенӣх ја̏бӯка̄* = ⊥⏑⊥⏑⊥–, и, повидимому, уже вполнѣ правильно *из го̀рē дјѐво̄јка* = ⊥⏑⊥⏑⊥⏑, годное для риѳмы напр. съ *о̏де у̀сред бо̀јка* или *с њо̂ме о́вца Го̂јка* или *ври̂шта̄ лу̂да̄ со̂јка*. Ритмическое значеніе долготы давно признано самими Сербами, но, говоря о немъ, они обыкновенно разумѣютъ долготу естественную, а между тѣмъ едва-ли можно отрицать ритмическую силу и въ долготѣ по положенію, производимой двумя согласными двухъ разныхъ слоговъ, какъ *карта̀шица* = –⏑́⏑⏑́, но и = ⊥⏑⏑́⏑, *ја̀сак чѝнӣ* = ⏑́–⏑́– или ⏑⊥⏑⊥. Какъ-бы то ни было, всѣ или почти всѣ эти способы, такъ сказать, обхода разговорнаго ударенія, особенно энклиза многосложнаго слова послѣ слова дактилическаго или такого-же соединенія словъ, представляются вольностями довольно условнаго свойства, и чѣмъ искусственнѣе размѣръ — т. е., говоря попросту, если онъ не состоитъ изъ трохеевъ —, тѣмъ болѣе насильственнымъ кажется примѣненіе этихъ сдѣлокъ съ естественнымъ ходомъ рѣчи, а потому и стихи тѣмъ менѣе производятъ впечатлѣніе плавности, напр. въ стихотвореніи Станка Враза «Лијепа Анка», написанное будто-бы четырехстопнымъ ямбомъ:

Алà је л'јéпа нȁша А͡нка!
Да л' је ȉстина? да л' је сȁн?
Трéсӯ се бо̑р и јéла тáнкā,
Зави́ђајӯћ јој стру̑к тȁнан

и т. д. Изъ этихъ четырехъ стиховъ только въ первомъ ясно слышится предположенный стихотворцемъ ритмъ, во второмъ приходится пустить въ дѣло сомнительную силу односложнаго неударяемаго слова, въ третьемъ — пѣвучесть восходящаго ударенія и тяжесть долготы, а четвертый держится также силою односложнаго слова, впрочемъ съ долгой ударяемой гласной. Это впрочемъ еще не значитъ, что Сербы и Хорваты должны довольствоствоваться одними трохеями, отказавшись даже отъ ямбовъ: не отъ ямбовъ, а только отъ спорныхъ вольностей, особенно въ началѣ стихотворенія, пока читатель еще не усвоилъ себѣ его ритма. Справедливость этого замѣчанія показываютъ такіе примѣры, какъ посланіе «Људевити» Хорвата Юрія (Ђуро) Арнольда:

Ти пи̑тāш, ли́ца — зȁшто су̑ ми бл'јéда,
Хладòвит пȍглēд — пòпӯг кр̏хка лȅда,
И пи̑тāш, òткуд — сдво̑јне ми̑сли ни̏чӯ,
Па кòјā ли ме — мȍрӣ вј'ê̑ком бј'éда,
На чèлу да се — тýгē знâци сти̏чӯ.
Ȁх, нèмōј пи́тат — слу̏шāј ту̑жнӯ при̏чу

и т. д. Но такіе стихи достаются не легко и потому обыкновенно отзываются искусственностью. Всѣ исчисленныя выше вольности и даже связанныя съ ними неправильности такъ въѣлись въ понятія Серба о стихосложеніи, что безъ нихъ онъ не можетъ сочинять стихи непосредственно и остается равнодушенъ къ сочиненнымъ иначе. И это понятно: таковъ строй его народныхъ пѣсенъ. А если такъ, всѣ эти замѣны разговорнаго ударенія въ качествѣ ритмическаго и вообще невзыскательность по части ритма должны имѣть естественное основаніе, если не въ настоящемъ, то, по крайней мѣрѣ, въ прошедшемъ. Выше уже было сказано, что подъ Сербами или Хорватами здѣсь разумѣются только Штокавцы, оттянувшіе, какъ извѣстно, древнее восходящее удареніе на одинъ слогъ ближе къ началу слова и потому говорящіе *вòда* вмѣсто *водà*, *глáва* (= *глаàва*) вмѣсто *глāвà*, *кòвāч* съ род. пад. *ковáча* вмѣсто *ковáч* съ род. *ковāчà*, какъ до сихъ поръ произносятъ Чакавцы. Переходъ отъ ударенія чакавскаго къ штокавскому совершился, конечно, не сразу и даже не вездѣ послѣдовательно (ср. напр. А. А. Шахматова «Къ исторіи удареній въ славянскихъ

языкахъ» въ Извѣстіяхъ Отдѣл. р. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ III, стр. 31—34 и особенно изслѣдованіе Милана Решетара Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten въ Schriften der Balkancommission. Linguistische Abtheilung I), и, если еще въ наши дни Штокавцы различаютъ ударенія въ *вòда, глáва* и въ *вôду, глáву*, то, чѣмъ болѣе отдаленную пору штокавщины мы себѣ представимъ, тѣмъ яснѣе должна была въ то время слышаться эта разница. Древнѣйшіе Штокавцы произносили *вòда*, вѣроятно, такъ, что оба слога были приблизительно одинаковы по силѣ и по высотѣ, и при такомъ выговорѣ имъ было все равно, который изъ этихъ слоговъ поставить подъ ритмическое ударені̯е. Въ такое время ясно слышалась риѳма напр. въ пословицѣ «Цáревац је цáревац, ако нѣ ѣ̄ имати и нòвац, а мàгарац је мàгарац, ако ѣ̂ имати и злáтан покрòвац (или пòкровац)», откуда эпиграмма «Човјек» Дубровчанина XVI в., Николы Димитрича:

Чòвјек ѣ̂ бӣт чòвјек, да нѣ̂има ни нòвац,
А òсо̄ òсо̄ вјек, да ӣма̄ злâт покрòвац.[30])

Впослѣдствіи такое колебаніе стало возможно только въ словахъ, содержащихъ въ себѣ болѣе двухъ слоговъ, какъ *вòддица*, гдѣ возможно сравненіе нѣкогда ударяемаго слога съ искони безударнымъ. Вотъ начало постановки словъ, подобныхъ разобраннымъ выше *насмèјаше, на фӣшеку* и т. д., въ такихъ мѣстахъ стиха, гдѣ ритмическое ударені̯е должно падать не на разговорно ударяемый слогъ, а на предшествующій и на послѣдующій, однако именно въ такихъ словахъ, въ которыхъ за разговорно ударяемымъ слогомъ слѣдуетъ не менѣе двухъ слоговъ. Но въ народныхъ пѣсняхъ до сихъ поръ

30) Въ выпискахъ изъ старинныхъ сербохорватскихъ стихотвореній я размѣчаю ударенія согласно съ общепринятымъ штокавскимъ выговоромъ, на сколько онъ мнѣ извѣстенъ, хотя несомнѣнно, что ударенія этихъ памятниковъ, различныхъ по времени и мѣсту, были иныя. О древнемъ дубровницкомъ ударені̯и можно сказать навѣрное лишь то, что оно было не таково, какое отмѣчено Решетаромъ въ нынѣшнемъ Дубровникѣ. Едва-ли можно сомнѣваться и въ томъ, что оно было штокавское, по крайней мѣрѣ, относительно конечнаго слога, почему напр. *тӯга* риѳмуется съ *дрӯга* и съ *дрӯга, вӣла*—съ *сӣла* и т. п. Изъ такихъ риѳмъ, какъ *нд̄ѣ̄—мн̄оге, ӣмā—прӣмā, гдр̄ӣ—ствр̄ӣ*, по видимому, слѣдуетъ, что Дубровчане шли въ штокавскомъ ударені̯и дальше тѣхъ Штокавцевъ, которые сохраняютъ древнее ударені̯е на конечной долготѣ, напр. *водѐ, водȍм* (при *вòда, вòди, вòдама*), и дальше Кайкавцевъ, съ которыми у Дубровчанъ есть какъ-будто нѣкоторая связь, между прочимъ въ томъ, что старое ударені̯е въ серединѣ слова звучало у нихъ, кажется, слабѣе и пѣвучѣе, нежели у Чакавцевъ — не *водȉца*, а *водȉца* (ср. Vatroslav Rožić, Kajkavački dijalekat u Prigorju—Rad XXXVIII, XXXIX и XL) или, точнѣе, *вòддица*, какъ въ черногорскомъ говорѣ, изслѣдованномъ А. А. Шахматовымъ (см. его указанную выше статью). Впрочемъ, кто хоть касается этого вопроса, тотъ

incedit per ignes
Suppositos cineri doloso.

Лêпо пѐвā славу́јак
У зѐленōј шу̏мици

или тѣмъ-же размѣромъ

Сòкō лѐтӣ висòко
Кри́ла но̏сӣ ширòко,

и т. п., какъ въ XVI в.:

Под нѐбом лјѐпшē птӣцē нӣ,
Нѐго ли сòкō сивòпер.
Да би м' се њӣме ствòрити,
Лѐтнуо си бих висòко,
Висòко сòкō по̏д облāк,
А па̏днуо бих[31]) низòко,
Низòко сòкō на òрах.
А под òрахом ви́ла спӣ.
А̏ли је ви́ла а̏ли нӣ,
А̏ли је кòјā и̏на звӣер,
Бо̏же, лие́по т' је створе́ње,
Љѐпше нѐго ли љѐтнӣ дâн.

Пѣсня эта выписана здѣсь цѣликомъ не только какъ образчикъ народнаго или, во всякомъ случаѣ, полународнаго и при томъ стараго стихосложенія, но и какъ примѣръ рѣдкихъ въ то время четырехстопныхъ ямбовъ, сближающій старинное хорватское пѣсенное творчество со словѣнскимъ, гдѣ этотъ размѣръ особенно употребителенъ въ пѣсняхъ повѣствовательныхъ, какова обнародованная Валентиномъ Водникомъ Pegam ino Lambergar:

Molî tâm k vîšku Dúnaj bél,
Na Dúnaji káj Pegam jèl,
Vam bôm junáško pêsen pèl

и т. д. — пѣсня не новая, однако уже съ риѳмой, вездѣ на три стиха, совсѣмъ какъ въ Прешерновомъ Judovsko deklè; такъ-же сложена сохраненная Водникомъ пѣсня Nevésta kralja Matijáža, но съ риѳмой на два стиха, и многія лирическія, съ риѳмой или на два стиха или въ четырех-

31) Записано padnuo si bih.

строчныхъ строфахъ съ вольностями, звучащими по-нѣмецки, напр. у Штрекля 2070 (но ср. и 2071—2076):

Nicój je pàč éna lúštna nôč,
Ker mêsec svéti célo nôč

и т. д. Но что четырехстопныя ямбы явились у южныхъ Славянъ не отъ Нѣмцевъ, видно напр. изъ стихотворенія «На лову» Георгія (Ђоре) Држича, дубровницкаго поэта XV в.:

Лòвац лòвēћи, дӥклице,
С крагу́јцем дрȍбне птӥчице,
Бјȅше т' ми го́рко сȕнāчце
Тер ѝсках хла́днē вòдицē

и т. д. совершенно въ духѣ народной пѣсни. Ср. великорусскую пѣсню:

На у́лицѣ то до́ждь, то снѣ́гъ,
То до́ждь, то снѣ́гъ, то вья́лица,
То вья́лица, то мете́лица

и пр. съ тѣми колебаніями въ числѣ слоговъ, которыя ясно показываютъ, что этотъ размѣръ тождественъ съ разобраннымъ выше общерусскимъ эпико-лирическимъ стихомъ. Впрочемъ тотъ-же размѣръ есть и у позднѣйшихъ Грековъ, напр. въ колыбельной пѣснѣ Passow, Popularia carmina Graeciae recentioris CCLXXXI:

Νανά, νανὰ τὸ γιοῦδι μου
Καὶ τὸ παλληκαροῦδι μου

и т. д., см. также Legrand, Recueil de chansons populaires grecques № 23 (визант.), 73 (1826 г.), 79, 99, 120.

Вторая особенность сербо-хорватскаго стихосложенія состоитъ, какъ мы видѣли, въ подавляющемъ дѣйствіи односложнаго слова на слѣдующее за нимъ удареніе, почему напр. въ пѣснѣ у Кухача 48 (вторая строфа):

А̏к на мѐне нѐ̏ гледāш, вѐ̏ћ тӣ дрȕгōг љȕбӣш.
У кòга се ти̂ ȕздāш, ка̏д тӣ тàко сȕдӣш?

и даже помимо напѣва въ приговоркѣ, приведенной Вукомъ въ словарѣ подъ *Ототòлити*:

⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑ | ⏑́ ⏑ –́ |	⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑ | ⏑́ ⏑ –́ |
Ототòли дебѐло,	као мòје кòљено;
А̏ко ли ћêш и дѐбље,	као мòје и бѐдре!

Исходной точкой этого явленія могли быть предлоги передъ словами съ исконнымъ нисходящимъ удареніемъ и передъ энклитиками, какъ *на̏ воду*, союзы передъ односложными-же служебными словами, какъ *и̏ сад*, *а̏ кад*, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ отрицаніе. Могли вліять предлоги и отрицанія даже въ сложеніяхъ, именно такихъ, гдѣ вторая часть имѣетъ значеніе сама по себѣ, какъ исконныя *по̏да̄вно, нѐвриjеме*, и штокавскія, какъ *пò-пӯт, нѐвjера*. Въ штокавщинѣ нѣкоторое усиленіе односложнаго слова на счетъ силы послѣдующаго, особенно односложнаго-же или даже двусложнаго, тѣмъ естественнѣе, что оно совпадаетъ съ общимъ строемъ штокавской рѣчи, трохаическо-дактилическимъ. То-же и у Поляковъ съ ихъ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ, но, конечно, только въ примѣненіи къ двумъ односложнымъ, напр. у Семенскаго въ переводѣ «Забоя» изъ пресловутой Краледворской рукописи:

Jaki zwyczaj w obcej stronie	Od mroku do świtu,
Taki zwyczaj dziecku, żonie	Narzucił i tu

и въ переводѣ «Збыгоня» оттуда-же:

«Goląbka-ż to czyja?».	«Od zdrajcy Zbigona
Więziona, jak i ja,	na zamku więziona».

Такъ иногда и по-чешски, напр. въ сонетѣ строгаго къ стихосложенію Ярослава Врхлицкаго (Portréty básníkův, XXII. Parini):

⏑ | ⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑ | ⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑ | –́

Chceš, jak on, pravdu, právo, volnost všech.

Но такъ какъ чешскій языкъ отодвинулъ удареніе не на предпослѣдній, а на первый слогъ съ нѣкоторымъ усиленіемъ послѣдующихъ слоговъ черезъ одинъ, напоръ на односложное слово возможенъ въ немъ и въ ущербъ ударенію слова болѣе длиннаго, какъ въ томъ-же сонетѣ выше:

Děl jiný druh tvůj, pln svatého hněvu,

что̀ можно было-бы приписать долготѣ слога -té-, если-бы Врхлицкій не исключилъ изъ своихъ стиховъ, кромѣ первой стопы, долготу въ качествѣ

составной части ритма безъ какихъ-либо привходящихъ условій. Гораздо рѣшительнѣе въ народныхъ пѣсняхъ, напр.

Včera mně skázala jeho panímáma,

а такой-же переносъ ударенія въ томъ случаѣ, какой представляется въ стихѣ, непосредственно слѣдующемъ за только-что выписаннымъ,

Bych si ne myslila na jejího syna,

обыченъ и въ разговорѣ. Англичане, какъ и всѣ Германцы, въ своихъ, не заимствованныхъ, словахъ ударяютъ первый слогъ; такъ, разумѣется, и въ словахъ сложныхъ, вторая часть которыхъ должна довольствоваться у нихъ второстепеннымъ удареніемъ. Но если первая часть сложенія состоитъ изъ одного слога, вторая легко становится безударной и потому въ концѣ ямбическаго или трохаическаго стиха — даже ямбической, напр. у Шекспира въ «Венеціанскомъ купцѣ» I, 1:

And laugh, like parrots, at a bag-piper,

II, 4:

We have not spoke us yet of torch-bearers

и такъ то-же слово еще два раза въ той-же сценѣ и одинъ разъ въ II, 6; тамъ-же V, 1:

I'll have the doctor for my bed-fellow

и такъ-же ниже. Близко къ сложному тамъ-же IV, 1:

And if your wife be not a mad woman,

и отсюда дальнѣйшая ступень въ старинной балладѣ[31]), которую поетъ Офелія (Гамлетъ IV, 5):

He is dead and gone, lady,

какъ этотъ стихъ измѣряется въ напѣвѣ (см. В. Шекспиръ. Трагедія о Гамлетѣ, принцѣ датскомъ. Переводъ К. Р. III, стр. 206). И такое обращеніе съ двусложными послѣ односложныхъ въ концѣ стиха встрѣчается очень часто, даже въ искусственныхъ стихотвореніяхъ, но написанныхъ болѣе или менѣе по-народному, напр. у Шотландца Вилльяма Миллера:

31) Ср. первый стихъ съ Percy II стр. 78, ст. 5.

O, dinna look sae kind, Willie,
Or else wi' joy I'll dee,
An' dinna read my heart, Willie,
Wi' thae lang lucks o' your ee.

Еще чаще предлоги уничтожаютъ удареніе мѣстоименій, хоть и не обязательно, и въ слѣдующемъ стихѣ изъ «Венеціанскаго купца» (IV, 1) мы видимъ и то и другое:

For giving it to me. Well, peace be with you,

за то въ другомъ оттуда-же (V, 1) — полное подавленіе второго односложнаго (it):

I'll die for 't, but some woman had the ring.

То-же попадается и у Нѣмцевъ, напр. въ Wehmuth Гёте:

Als ich, Engel, an dir hing,

и у Скандинавовъ, напр. въ Stellurímur[32]) Исландца Сигурда Петурссона:

Ef mig styrkja eitt-hvað fer,
Á þig skal eg trúa.

Въ тѣснѣйшей связи съ общимъ ритмомъ языка состоитъ и дѣйствіе дактилическаго или кретическаго сочетанія слоговъ (качественно, иногда количественно, т. е. ⏑́⏑⏑, ⏑́⏑⏑́ или –́⏑⏑, –́⏑–́) на послѣдующее слово въ концѣ стиха, какъ въ народной пѣснѣ (по разговорному съ ⏑⏑́⏑ впереди):

А и пêтӯ ибри̇̀шим-тка̏ницу.

То-же и въ чешскихъ стихахъ, по крайней мѣрѣ, народныхъ, откуда и у Челаковскаго въ Ohlas písní českých XXII:

Holubička s dubu Letěla k holubu,

и такъ-же въ старинныхъ искусственныхъ стихахъ, напр. въ пѣснѣ XIII в., открытой Патерою (см. Časopis Musea kral. českého 1878 seš. 2):

(Z)lovo dozveta ztworene vbostui zhowano
íeſ pro euíno zreſſeníe nazuet pozlano

32) Знакъ ударенія показываетъ въ исландскомъ письмѣ то-же, что въ чешскомъ и мадярскомъ, — долготу.

и пр. У Лужичанъ подъ вліяніемъ ритма подчиняется двусложное слово въ концѣ стиха предшествующему двусложному-же (ср. серб. *мѝмо гору*), напр.

Seduj mi, bratsiko, konika,
Seduj mi, přeco wobej' dweju

и въ той-же пѣснѣ (Mi je so dźens zejdźało):

Wone je dźensa mi rune lěto,
Zo smy ju na keŕchow dowjezli,

также трохаическому сочетанію двухъ односложныхъ, которое впрочемъ поется не такъ въ другой пѣснѣ съ инымъ распредѣленіемъ тактовыхъ величинъ:

Syrotka hobešła tři raz kjarchob —

не безъ насилія надъ естественнымъ ритмомъ, что̀ особенно сказывается дальше:

Stawajśo wy górej, mója maśi

и т. п.

Въ великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ послѣднее въ полустишіи или стихѣ двусложное трохаическое слово теряетъ свое удареніе послѣ другого ударенія, напр.

Онъ кидáлъ пéрья по чисту́ пóлю.

Въ искусственныхъ, но неискусно построенныхъ стихахъ безъ обязательнаго сѣченія попадается то-же, напр. у Державина въ стихотвореніи «Стрѣлокъ»:

Ахъ, берéчь бы́ло монéту
Бѣлую на чёрный дéнь

или въ малорусской Энеидѣ Котляревскаго (п. II):

Колú-б, каже, твоя́ здорóва
Булá, Непту́не, головá.

Впрочемъ и у Англичанъ на трохаическое слово дѣйствуетъ обыкновенно односложное только потому, что чисто-англійскихъ словъ съ ударéніемъ на концѣ довольно мало, но вотъ примѣръ изъ шотландской пѣсни

съ кельтскимъ словомъ (у Вальтеръ-Скотта въ предисловіи къ роману Rob Roy):

I am as bold, I am as bold,
I am as bold and more, lady;
Any man that doubts my word,
May try my gude claymore[33]), lady.

Въ ново-греческихъ старинныхъ и народныхъ стихахъ трохаическое слово передъ сѣченіемъ становится безударнымъ подъ вліяніемъ предшествующиго ямбическаго или односложнаго, на которое въ такомъ случаѣ кладется сильное удареніе, хотя-бы это слово и не имѣло его въ обыкновенной рѣчи, напр. Passow CLXI ст. 4:

Καὶ ὁ Μῆτρος μάνα δὲν ἔχει νὰ τὸν κουμανταρίσῃ.

То-же и внутри полустишій; но тамъ допускаются всякія вольности. Какъ бы то ни было, удареніе въ родѣ δὲν ἐχει или, въ болѣе раннюю пору, οὐδὲν ἐχει, а еще раньше — οὔκ ἐχει основано не на одномъ ритмѣ, а также на отвлеченіи отъ такихъ случаевъ, какъ LX ст. 26:

Γυφτάκι μ', τί κακό 'καμες καὶ σ' ἔχουνε κομμένο;,

гдѣ ударяемая гласная слова ἔκαμες поглощена ударяемою конечною гласною предшествующаго слова, а этотъ остатокъ въ самостоятельномъ видѣ получитъ удареніе, конечно, на первомъ слогѣ — κάμες, какъ κάμε, κάμνω, νὰ κάμω, θέλω κάμει. Отсюда, если хотя-бы только призрачное κακὸ κάμες можетъ превратиться въ κακό καμες, то и вмѣсто δὲν ἔχει можно сказать δέν ἐχει. Поддерживалось такое представленіе безсознательнымъ воспоминаніемъ съ одной стороны о древнихъ энклитикахъ, какъ οὐδέν ἐστι, а съ другой—унаслѣдованными изъ древности сліяніями, подобными соединенію словъ ποῦ ἔκαμες въ ποῦκαμες (ср. мои «Замѣтки къ тексту поэмы объ Аполлоніи Тирскомъ по изданію Вагнера» въ одесской «Лѣтописи Историко-Филологическаго Общества» вып. II къ стихамъ 639—641, «Критическія замѣчанія къ Συναξάριον τοῦ τιμημένου γαδάρου по тексту Вагнера» въ «Византійскомъ Временникѣ» 1896, № 3 и 4 къ стихамъ 389—393, «О русскомъ народномъ стихосложеніи» въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія р. яз. и сл.

33) Шотландскій палашъ — изъ clay (др.-ир. claideb=лат. gladius, др.-сканд. hjalt) мечъ и mōr (др.-ир. mār) большой — въ отличіе отъ короткаго римскаго меча. Ср. кабард. *сӑ' шхӯа*, дословно «ножъ длинный» = шашка.

Импер. Академіи Наукъ» II, стр. 434—456, гдѣ это явленіе прослѣжено также въ языкахъ англійскомъ и — особенно — великорусскомъ). Нѣкоторое, по крайней мѣрѣ, подобіе грамматическаго основанія для ритмическаго подчиненія послѣдующаго слова предшествующему мы видѣли и у Англичанъ. Есть такое основаніе, и при томъ общее, также у Русскихъ и у Сербовъ — въ сохраненной ими праславянской наклонности къ отдачѣ нисходящаго ударенія предшествующему слогу: *бѣлы́ руки*, *рѣзвы́ ноги*, какъ *добȁр вечē(р)*, *добро̏ јутро* (или даже — *итро*) при соединеніи двухъ словъ не менѣе тѣсномъ, чѣмъ *на́ воду*, *на̏ воду*. Правда, что сербскій языкъ почти не знаетъ такой энклизы помимо соединеній съ предлогами, но такъ какъ такіе примѣры, подобные малорусскому *добри́ день* (вмѣсто **добръ́ дьнь*), польскому dobranoc, восходятъ къ общеславянскому языку, а число энклитическихъ сочетаній во всѣхъ языкахъ убавляется, слѣдуетъ предполагать, что нѣкогда Сербы обладали значительно бо́льшимъ числомъ энклитикъ. У Штокавцевъ-же явились новыя соединенія этого рода, отличающіяся отъ древнихъ только качествомъ ударенія, какъ *једàн пӯт* или *једà(н) рēд*, *два́ пӯт*, *по́ ноћи*, *онома́дне* (изъ **ономь́ дьне*), *два́десет* или *двàест* и др., которыя впрочемъ отчасти лишь заняли мѣсто подобныхъ имъ старыхъ: ср. русскія *два́ раза*, *по́лночь*, *наме́дни*, *два́дцать*. Такимъ путемъ въ сербо-хорватскомъ языкѣ развилась привычка къ энклизѣ, которая въ стихосложеніи отразилась ритмическимъ подчиненіемъ послѣдующихъ словъ предъидущимъ односложнымъ или трехсложнымъ словамъ или сочетаніямъ словъ. Согласно съ только-что высказанными соображеніями можно ожидать, что лѣтъ за 400 тому назадъ эта привычка сказывалась еще сильнѣе; и въ самомъ дѣлѣ у старыхъ дубровницкихъ стихотворцевъ есть и энклиза односложныхъ словъ послѣ двусложныхъ или трехсложныхъ, которая изрѣдка попадается въ народныхъ пѣсняхъ до нашего времени, напр. у Кухача 981:

Гдо̏ те бу̏дē, дѐвче, љу́бил, ка̏д јā бу̏дēм Францо́зе би̏л?
Гдо̏ ћē, лу̀ла, тво̑ј га̏зда би̏т, ка̏д јā бу̏дēм мо́рал у̀мрӣт? [34])

Любопытны здѣсь и односложныя созвучія при ритмическомъ удареніи на предшествующемъ слогѣ, какъ у тѣхъ-же Дубровчанъ, напр. въ «Дервишѣ» Степана Дёрдича (Стијепо Ђорђић), написанномъ тѣмъ-же размѣромъ:

---

34) Ударенія разставлены по Вуку и Даничичу; но безъ непосредственнаго знакомства съ говоромъ, на которомъ сложена эта пѣсня, ручаться трудно за вѣрность такой размѣтки. Впрочемъ эта оговорка едва-ли нужна относительно конечныхъ словъ полустишій.

Jâ сам Дéдо àшик дèрвӣш,
Ки̑ ти и̏зрањен па̏да̄м при̏д дво̄р;
Изи́д', ца̏нум, да ме ви̏дӣш,
И да чу̏јē̄ш мôј ра̏згово̄р —
Је ли сла̏дак, а̏ што вèлӣш? —
Jâ сам Дéдо стра̂вљен дèрвӣш!

Риѳмы *љу́бил — би̏л*, *дèрвӣш — ви̏дӣш* и т. п. даются непосредственно только при такомъ растяженіи предпослѣдняго слога, которымъ на слѣдующемъ слогѣ вызывалось-бы ритмическое удареніе, т. е. напр. *љубил* — *Францозе бил*, и напѣвы четырехъ пѣсенъ въ Гекторовичевой драмѣ «Св. Ловринац», сложенной этимъ размѣромъ (ст. 147—168, 773—780, 799—809 и 1203—1214), построены именно такъ, но въ приведенной народной пѣснѣ такого растяженія нѣтъ. Слѣдовательно такія риѳмы болѣе или менѣе условны; а такъ какъ все условное въ жизни имѣло нѣкогда свое основаніе, мы въ правѣ искать какого-нибудь основанія и для такихъ неестественныхъ созвучій. Находится оно, вѣроятно, въ любимомъ Дубровчанами двѣнадцатисложномъ стихѣ, дванаестéрац или, какъ его называетъ Суботичъ, кра̀љичкӣ вѐћӣ, который соотвѣтствуетъ польскому краковяку:

⏑́⏑⏑́⏑|⊥⏑́| ⏑́⏑⏑́⏑|⊥⏑́

или по-польски:

⏑́⏑⏑́⏑ | ⏑́⏑́(⏑)| ⏑́⏑⏑́⏑ | ⏑́⏑́(⏑)

синкопически, съ отчетливымъ выбиваньемъ послѣдняго слога въ каждомъ полустишіи. Отсюда можно объяснить и у Чеховъ напр. такія риѳмы:

Syna na provázku, na hedbávné šňůrce,
Aby nechodíval k chudobné panence

или въ словацкой пѣснѣ:

Já som se nazdala, že sa pole mračí,
A to sa milému začerneli oči,

откуда и въ другомъ размѣрѣ, въ томъ-же осьмисложномъ, который мы только-что видѣли въ хорватской пѣснѣ и въ первой строфѣ «Дервиша»:

Donesla mu tvrdý kameň: «Ostávaj tu s Panem Bohem!»

То-же въ такомъ-же стихѣ у Мадяръ, которые обходятся съ концемъ стиха совсѣмъ по-сербски, напр. въ пѣснѣ:

Á kit az én szivem szeret,
Nem ir az nekem levelet;
De a szive, tudom, szeret,
Mert az régen az enyém lett,

при чемъ слѣдуетъ помнить, что разговорное удареніе падаетъ по-мадярски всегда на первый слогъ. У Дубровчанъ односложная риѳма вмѣсто двусложной встрѣчается особенно часто, именно въ двѣнадцатисложномъ стихѣ, напр. у Шишка Менчетича (1457—1507):

Бла́женӣ ча̏с и хи̂п, на̂јпрво кад сам ја̂
Ви̏дил тво̂ј о̀браз ли̂п, од ко́га сла̏ва сја̂,
Бла́жена сва̏ ми̏ста, ка̀да те гди ви̏дӣх,
Дни̏, но̏ћи, го̀дӣшта, ко̀ја те ја̄ сли́дӣх.
Бла́жен ча̏с и ври́ме, на̂јпрво ка̀да чу̏х
Љéпости тве̂ и̏ме, ко̀јōј да̏х ва̏с по̏слӯх.
Бла́жене бо̀љēзни, ке̂ па̏тӣх но̂ћ и да̂н
Ци̂ћ тво̀јē љу̀бēзни, за ко̀јӯ гу̏бљāх са̏н.
Бла́жени ја̏д и ва̂ј, ки̂ ство̀рих доса̀дē,
Жѐљēћи о̀браз та̂ј све̏ мо̀је дни̏ мла̂дē.
Бла́жено ва̀пӣње, кад и̏ме тве̂ зо̀вӣх,
И го̂ркō тр́пӣње, у жѐљах кад пло̀вӣх.
Бла́жен тра̂к од у̏зē љу̀венē, у ко̀јōј
Ство̀рих пла̏ч и су̏зе, жѐљēћи да сам тво̂ј.
Бла́жена љéпōс тва̂, бла́жена тва̂ мла̏дōс,
По̏кли се мѐни сва̏ да̏ровā за ра̏дōс.

Здѣсь мы видимъ уже знакомую энклизу односложнаго не только послѣ другого односложнаго, какъ *и̍ хи̂п* или можетъ быть, *и̏ хӣп* и т. п., но и послѣ двусложнаго, какъ *о̀бра́з ли̂п* и даже *сла̏ва́ сја̂*. Слѣдуетъ однако замѣтить, что полустишіе сербскаго двѣнадцатисложнаго стиха обыкновенно дѣлится концами словъ на двѣ части такъ: ⏑́⏑⏑ | ⏑⏑́, т. е. на дактиль или кретикъ и на амфибрахій, а ритмическое дѣйствіе двухъ первыхъ изъ этихъ стопъ на послѣдующую намъ уже извѣстно. Такое дѣленіе ритмическаго ряда ⏑́⏑⏑⏑⏑́ именно въ этомъ стихѣ достойно тѣмъ большаго вниманія, что въ другихъ соединеніяхъ, напр. съ осьмисложнымъ стихомъ впереди, этотъ рядъ дѣлится произвольно, а въ хороводныхъ пѣсняхъ (пјесни од кола) Динка Ранины третій слогъ даже рѣдко отдѣляется, напр. 335:

А̏х, дјѐвōјко, ду̂шо мо̀ја, ка̂ ми с' смр̏цу | да́ла,
Кад за́гōрјем грѐду с тобōм ста̏до мо̀је | па́се,
Тѐре вр̏гу на́ те о̏ко и ти̂ глѐда̄ш | на́ ме,
Ства̂р, ко̀ја̄ ми ср̏це жѐжē о̀гњенōм | жѐљōме

и т. д. приблизительно съ тѣмъ-же отношеніемъ между мужескимъ и женскимъ дѣленіями. То-же и во второй части десятисложнаго стиха. Исключенія найдутся и въ двѣнадцатисложномъ, особенно при обиліи риѳмъ, которымъ сильно затрудняли себѣ свою задачу напр. Маруличъ («Дјевици Марији»), Луцичъ[36]) и Бараковичъ, однако они рѣдки даже въ сложенныхъ этимъ размѣромъ сонетахъ Георгія Држича и Динка Ранины, а Менчетичъ и совсѣмъ воздержался отъ такихъ уклоненій въ своей «Пјесни о Исусу», не смотря на четверную риѳму. Что̀ до окончаній на двусложное слово съ односложнымъ, то въ этихъ случаяхъ сѣченіе послѣ третьяго слога обусловлено самымъ числомъ слоговъ. Риѳма въ двѣнадцатисложномъ стихѣ охватываетъ по большей части два слога, но при односложномъ словѣ въ концѣ двухъ стиховъ или полустишій или хоть одного изъ двухъ она можетъ ограничиться однимъ послѣднимъ слогомъ, какъ въ ст. 1—2 (такъ-же 7—8, 9—10, 15—16) и 5—6 (такъ-же 13—14). Созвучіе только послѣднихъ слоговъ помимо односложныхъ словъ попадается гораздо рѣже, напр. въ стихотвореніи Ранины «У злорека завидника» (368) ст. 7—8:

При́личан ти јѐси у свѐму к зви̂ри о̀нōј,
Ка̂ ви̏дēћ си̏нове прѝтиле толѝкōј

и съ той-же риѳмой тамъ-же въ ст. 55—56:

Ки̂ ка̏ми ни̂ ка̏ми, ка̂ ли се зви̂р о̀нōј
Нѐ ра̄ђа̄ с јѐзиком по̏требни̂м толѝкōј?

Но за то ст. 19—20 двусложная риѳма даже при односложномъ:

Тко̏ хо̏ћē ту́ђӯ ства̂р, ку̂ па̏мēт по̀да̄јē,
Ра́зложно ху̏лити, при̏е то̏га три́ба је

и пр. Ср. И. В. Ягичъ, «Размѣръ (двѣнадцатислоговой) древнѣйшихъ стихотвореній поэтовъ славянскихъ (сербо-хорватскихъ) въ Далмаціи» въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія р. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ» т. I, стр.

36) Впрочемъ и безъ того грѣшившій въ этомъ отношеніи, какъ и Гекторовичъ, что̀ можетъ быть и не случайностью, такъ какъ оба они родомъ съ острова Хвара, т. е. чакавцы.

439—466. Но вообще женское окончаніе на двусложное или трехсложное слово съ односложнымъ встрѣчается почти только въ этомъ размѣрѣ и при томъ чуть-ли не исключительно въ дубровницкой письменности, да еще кое въ какихъ далматинскихъ и хорватскихъ пѣсняхъ, отчасти продолжающихъ старыя дубровницкія преданія, а впрочемъ старинныя народныя, по видимому, не знаютъ этой вольности. Но въ самомъ обычномъ и вмѣстѣ самомъ свободномъ стихѣ позднѣйшей сербской народной поэзіи, десятисложномъ, она иногда попадается, напр. въ пѣснѣ о Бановичѣ Страхинѣ:

Ка́жи, зе̏те, шта̏ је и ка̏ко је,

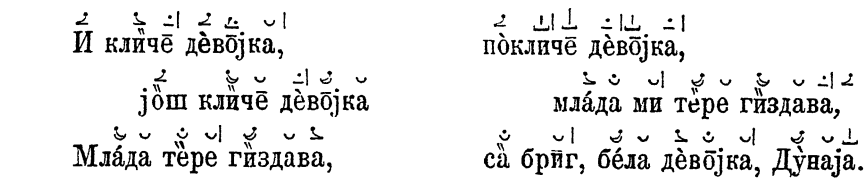
совсѣмъ какъ у Ветранича въ двѣнадцатисложномъ стихѣ:

Те̏р не ви̏ем за̀чēти, по̀добно ка̏ко је,
Пје̏са̄нцу по̀чēти бѐз помōћи твòјē.

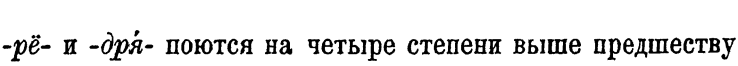
Вѣрнымъ кажется, по крайней мѣрѣ то, что такихъ концевъ нѣтъ въ тѣхъ образчикахъ народнаго пѣснопѣнія, которые такъ или иначе сохранены дубровницкими стихотворцами. Между этими примѣрами особое вниманіе заслуживаютъ такъ называемыя «бугарштице» (вѣроятно, отъ *Бу̀гарин* = Болгаринъ, но въ смыслѣ пастуха, иначе—«вла̏х», что̀ по-албански *бугарч*). Онѣ дошли до насъ, по видимому, безъ передѣлокъ, между прочимъ — и безъ риѳмы, безъ которой не обходятся Дубровчане. Ко второй и третьей изъ тѣхъ бугарштицъ, которыя Гекторовичъ вставилъ въ свою идиллію «Рибање» (ст. 523—592, 595—685 и 698—718), сохранились ноты, важныя не только въ музыкальномъ отношеніи, но и для установки тогдашняго ударенія и даже количественности, такъ какъ исполненіе бугарштицы можно назвать, очевидно, не столько пѣніемъ, сколько пѣвучимъ произношеніемъ стиховъ, которые къ тому-же не одинаковы по длинѣ и по строю и соединены въ строфы, также не равныя между собою. Вотъ начало второй бугарштицы по ритму напѣва (съ ◡ = $^1/_4$ подлинника въ видахъ упрощенія ритмическихъ знаковъ, для чего и вмѣсто $^3/_8$ + $^1/_8$ вездѣ отмѣчено ◡◡):

Ка̀да ми се Ра̏досаве во̏јевода оди́љāше
Од сво̀јēга гра̂да ди̂внōга, ди̂внōга Сивери́на,
Че̂сто ми се Радо̀сав на Сивѐрӣн о̀бзирāше
Те̏ре то̂ ми ова̀кō бие́лу гра̂ду бѐсидјāше.

Начало третьей:



Изъ удареній можетъ показаться чакавскимъ развѣ только *оди̏ља̄ше* и *овáкō*, которыя болѣе согласовались-бы съ размѣромъ при ударѐніи *оди̏ља̂ше* и *овакô*; но ни то, ни другое не доказательно вслѣдствіе уже упомянутой ритмической неустойчивости восходящаго ударенія. За то въ пользу штокавскаго ударенія въ обоихъ образчикахъ свидѣтельствуютъ *када*, *обзираше*, *бесидјаше*, *девојка* или *девојка* (при которомъ *девојка* и *девојка* теряютъ свое значеніе), *млада* или *млада*, *бела*, *Дунаја* и также, съ замѣной разговорнаго ударенія долготою, *Сиверина*, *Сиверин* и *Радосав*, такъ какъ, по свидѣтельству Р. И. Кошутича, вопреки Вуку, дающему въ словарѣ *Ра̏досав* (вѣроятно изъ звательнаго *Ра̏досаве*), это имя произносится обыкновенно *Раддсав*. Протяженіе разговорно-ударяемаго, но ритмически безударнаго слога въ пѣніи напоминаетъ повышеніе такого слога въ великорусскихъ пѣсняхъ, напр.:



гдѣ слоги *-рё-* и *-дря́-* поются на четыре степени выше предшествующихъ и на двѣ выше послѣдующихъ.

Если эти замѣтки о сербскомъ стихосложеніи мы дополнимъ двумя предположеніями, во всякомъ случаѣ не совсѣмъ лишенными основанія, а именно — что дубровницкіе стихотворцы подобно тому, какъ они употребляли *ли̏јеп* (*ли̏еп*) и *ли̏п*, *грѐду* и *грѐдēм*, *што̏* и *ча̏* и т. п., могли прибѣгать иногда и прямо къ чакавскому ударенію, и что самая ихъ штокавщина извѣстна намъ не вполнѣ, то едва-ли согласимся безусловно съ увѣреніемъ Решетара, что у этихъ стихотворцевъ «ударѐніе точно такъ-же свободно и въ риѳмѣ и внѣ ея, какъ у нашихъ нынѣшнихъ поэтовъ» («Антологија дубровачке лирике стр. XXVII примѣч.): ни въ старыхъ, ни въ новыхъ сербскихъ и хорватскихъ стихахъ дѣло не ограничивается однимъ счетомъ слоговъ, а во всякомъ стихѣ, народномъ-ли или искусственномъ, какъ-бы онъ ни былъ неровенъ или шероховатъ (храпав, какъ говорятъ Сербы), по большей части есть хоть намеки на лежащій въ его основѣ ритмъ, которые состоятъ именно въ пользованіи выше изложенными правилами,

и хорошій чтецъ не только замѣчаетъ эти указанія на разумѣемый строй стиха — при чемъ дѣло облегчается простотою ритма, — но и находитъ возможнымъ осуществлять ихъ, по крайней мѣрѣ, до такой степени, что слушатель, хотя и замѣчаетъ то тамъ, то сямъ погрѣшности противъ плавности ритмическаго движенія, все-таки получаетъ въ общемъ впечатлѣніе чего-то благозвучно-стройнаго. Несомнѣнно, что этому впечатлѣнію сильно содѣйствуетъ, какъ и въ итальянскихъ стихахъ, благозвучіе самаго языка. Но сербскій стихъ течетъ и развертывается отлично отъ итальянскаго: второй открываетъ свободой своего построенія полный просторъ выразительному разнообразному чтенію, которое заставило-бы забыть, что слышишь размѣренную, а не вольно льющуюся рѣчь, если-бы сила послѣдняго ударенія не указывала границъ стиховъ и тѣмъ не пріучала-бы слухъ къ воспріятію взаимнаго равенства этихъ отдѣловъ, а первый, нѣсколько стѣсняющій чтеца требованіемъ бо́льшей равномѣрности во времени, то въ началѣ, то въ серединѣ, то ближе къ концу даетъ чувствовать основной ритмъ и, по мѣрѣ дальнѣйшаго своего хода все чаще и чаще исправляя свои прежнія неровности, мало по малу какъ-бы гипнотизируетъ слушателя и внушаетъ ему безсознательную вѣру въ полную, хоть и своеобразную, ритмичность этихъ строчекъ, изъ которыхъ лишь немногія даютъ ритмъ во всей его чистотѣ, но каждая стремится къ нему по-своему, пользуясь обильными ритмическими средствами сербскаго языка. Въ сербскомъ стихосложеніи, какъ чуть-ли не во всякомъ иномъ, есть кое-что такое, что́ держится больше преданіемъ, чѣмъ дѣйствительными свойствами языка; но это преданіе самобытно. Произведенія старыхъ Дубровчанъ кишатъ всяческой итальянщиной, но лишь въ языкѣ, да и то кромѣ словаря, а стихосложеніе ихъ несомнѣнно перенесено изъ народной пѣсни, можетъ быть, за исключеніемъ риѳмы. Въ этомъ отношеніи Дубровчане болѣе объитальянились во времена позднѣйшія, когда стали распѣвать пѣсенки въ родѣ

С Бо̏гом, нѐхāрнā дȗшо!
Трѐбā се вѐћ дјѐлити.
А̏х, што̏ ћу учи̏нити,
Кà да ме тȋ мр́зӣш?

дословно съ итальянскаго:

Anima ingrata, addio!
Lasciarti ormai conviene.
Oimè, chè far degg' io,
Se sono in odio a te?

и т. д.—то и другое по напѣву ⊥◡◡|⊥ ⊥|⊥|⊥| (трижды) + ⊥◡◡|⊥ ⊥|⊥. Но, какъ-бы сербо-хорватское стихосложеніе ни отличалось отъ итальянскаго своею ритмичностью и потому близостью къ стопному, оно все-таки должно быть признано слоговымъ не только по своей свободѣ относительно удареній, но и на томъ основаніи, что ритмическимъ образцемъ ему служатъ стопы двусложныя, изъ которыхъ ни одинъ слогъ не можетъ быть выпущенъ внутри стиха.

Очень близко къ сербскому стихосложенію стоитъ чешское народное; близость эта такова, что его особенности изложены выше въ связи съ особенностями сербскаго стихотворнаго строя. И здѣсь сильно сказывается ритмъ языка, у Чеховъ еще рѣшительнѣе двухдольный, чѣмъ у Сербовъ: какъ въ разговорѣ dorozuměti, ne-pamatovala и dorozuměti se, такъ въ стихахъ s půlnoci byla, by pamatovala, pomoci hledati и nech svítí komu chce. Въ послѣднемъ примѣрѣ уже значительно помогаетъ долгота естественная и по положенію. Для того, чтобы показать, какъ сильно долгота обоихъ родовъ притягиваетъ къ себѣ ритмическое удареніе въ чешскихъ стихахъ (но лишь въ двухдольныхъ), довольно привести вторую строфу изъ правильно-ямбическаго стихотворенія Челаковскаго Společná píseň, при чемъ гласныя, ударяемыя ритмически только вслѣдствіе долготы, какъ и производящія ее согласныя, отмѣчены курсивомъ:

Kdo předků zápasy hrd*inské*
Zpěv*em* p*otomk*ům zvěstuješ
A, v sady nehledě ciz*inské*,
Dom*ácí* krásy pěstuješ,
Rad*ost* a žel a sladkou tíseň
Kdo znáš vyl*íti* v českou píseň,
Tys bratr náš, tys bratr náš,
Prav*ý* ty poklad v duši máš.

Трехсложныя стопы, именно съ удареніемъ на первомъ слогѣ, очень обыкновенны въ пѣсняхъ, напр.

Ach, není, tu není, co by mne těšilo,

но исполняются такъ только въ пѣніи, а безъ знанія напѣва легко принять такой стихъ за извѣстный ⊥◡◡◡|⊥ ⊥| ⊥◡◡◡|⊥ ⊥.

Одно изъ замѣтныхъ, но внѣшнихъ отличій чешскаго стиха отъ сербскаго есть и въ народныхъ пѣсняхъ риѳма, хоть часто и сомнительная. Эта черта, не древняя и не славянская, ясно показываетъ, что чешская пѣсня

ближе къ западной, нежели сербская. Риѳма часто мужеская. Разговорныя ударенія главныя и побочныя въ риѳмѣ не различаются, напр. у Челаковскаго въ трохеяхъ (Růže stolistá XXV):

I to sobě vážím mnoho,
Tak žití že anděl přál,
Až i města do jednoho
Byt náš zemský uchystal.

Слоговыя плавныя въ началѣ и въ концѣ словъ иногда лишаются своей длительности, напр. у него-же въ четвертомъ стихѣ количественной Алкеевской строфы (Na smělost):

Sílil a vedl hrdinných mužův krok,

что впрочемъ странно въ виду двухъ другихъ его также количественныхъ стиховъ, переведенныхъ изъ Марціала, съ одной стороны — пентаметра:

Div že mi, jak jsi otcem státi se, Fauste, mohl,

и съ другой — гексаметра:

Uchránít přez léto ryby kde beze škody bys moh'? [36])

Въ Краледворской рукописи есть почему-то — быть можетъ, plzně-dle veršovníka — нѣсколько такихъ примѣровъ, какъ

Počechu trsti spolu vojevati (Jaroslav)

(даже внутри слова) или

By sě lsknula braň jich v zrace vrahóm
(Čestmír a Vlaslav),

но и

Srst červená po něj sě lskněše (тамъ-же).

---

36) Съ сѣченіемъ κατὰ τρίτον τροχαῖον; но возможно также съ τριθημιμερής и ἑφθημιμερής:

Uchránit přez léto ryby kde beze škody bys moh',

но первое лучше, потому что позволяетъ дѣлить rybyk de, безъ чего нѣтъ долготы по положенію.

Со вторымъ изъ этихъ трехъ примѣровъ (гдѣ начальное неслоговое *l* послѣ гласной) сходно у Верхлицкаго (Portréty básníkův, Shakespeare III, ст. 6):

Kde Caliban řve, lkají elfův stíny,

но послѣ сѣченія (цезуры). Впрочемъ и помимо этихъ условій (тамъ-же L. Göthe), ст. 9:

Kde Byron lkal a zoufal, sok všem lidem.

Бываетъ и другая крайность, напр. въ стихотворномъ возраженіи Вячеслава Стаха противъ силы разговорнаго ударенія, tona (Starý veršovec pro rozumnou kratochvíli):

Ten jest neskrotitedlný?
V slovích nesměnitedlný?,

гдѣ на слоговое l подъ третьестепеннымъ разговорнымъ удареніемъ падаетъ ударе́ніе ритмическое. Впрочемъ здѣсь виноваты прежде всего sesquipedalia verba. Какъ-бы то ни было, ритмъ здѣсь выраженъ разговорными удареніями; но это уже искусственное стихосложеніе, въ которомъ возможны даже трехсложныя стопы, напр. въ переводахъ Борецкаго изъ Прешерна, хотя такіе стихи, по признанію самого переводчика, стоили ему большого труда и все-таки не вполнѣ удались вслѣдствіе двусложности чешскаго ударенія. А народное чешское стихосложеніе приходится признать слоговымъ почти въ томъ-же смыслѣ и по тѣмъ-же причинамъ, какъ сербо-хорватское.

Но еще болѣе слоговое, — можно сказать, даже безусловно слоговое стихосложеніе мы находимъ въ болгарскихъ народныхъ стихахъ съ опредѣленнымъ числомъ слоговъ, напр. въ излюбленномъ у Болгаръ осьмислоговомъ (Dozon 5):

Сáмси се Гóспод подкáни
Чéркова да си заградú
Междý двѣ вúти планинú
И под два тѣнки óблаци

и т. д. Здѣсь размѣренность рѣчи обнаруживается только ариѳметически, т. е., какъ выражаются о такихъ стихахъ Турки, счетомъ по пальцамъ (пармак hысаб-ы), а ритмъ слышится только въ пѣніи, такъ какъ при разговорномъ произношеніи въ строчкахъ, подобныхъ приведеннымъ, нѣтъ ничего ритмическаго. Такъ-же или почти такъ-же строятъ Болгаре и тож-

дественный съ сербскимъ десятисложный стихъ и другой десятисложный, соотвѣтствующій сербскому и чешскому ⊥⊥ ∴ | ∴ ∴ (или ⊥⊥ или ⊥⊥ ∧ дважды), напр. у Дозона 37 (со вставкой припѣва между полустишіями):

Тýрчин ми кáра (джáнъм) клетá робúня,
Лю́то ѫ кáра (джáнъм) по лю́та слáна,
Биѥ́м ѫ би́ѥ (джáнъм) по бѣ́ло лицé:
«Мáри хвѣ́рли си (джáнъм) мѣ́жко-то дѣ́тé

и т. д. съ полнымъ равнодушіемъ къ основному ритму, который появляется въ этой пѣснѣ лишь случайно, какъ ст. 13 (не считая припѣва):

Би́лѣ за глáва, би́лѣ за рóжба.

Немудрено, что пѣвцы часто сбиваются въ счетѣ слоговъ, напр. тамъ-же 7 ст. 5—9, 21 ст. 1 и 24, 38 ст. 47, 54 ст. 7. Откуда это равнодушіе? Причина, вѣроятно, скрывается въ тѣхъ смѣшеніяхъ съ иноплеменниками, которымъ подвергались Болгаре, и въ переворотахъ, пережитыхъ вслѣдствіе этого болгарскимъ языкомъ, который давно уже разбился на нѣсколько нарѣчій, отличающихся одно отъ другого между прочимъ ударéніями. Стихъ 38 той-же пѣсни:

Духá ке вѣтрéц, та ке го люля́

былъ-бы правиленъ по двуслоговому ударенію (считая отъ конца), ст. 8:

Кáто сам я́зе попóва снахá —

по трехслоговому, ст. 21:

Та го отнéсе на планинá-та

вѣренъ только съ такимъ, т. е. свободнымъ, ударéніемъ. При этомъ положеніи дѣла не удивительно, что попадаются и такіе стихи, какъ 35:

Ти нéмой гри́жа за мѣ́жко дѣ́тé,

который не будетъ, кажется, безукоризненъ ни при одномъ изъ болгарскихъ распорядковъ ударенія. Ложно представленіе, будто народная пѣсня такъ-таки совсѣмъ безъискусственна: въ ней всегда есть доля условности вслѣдствіе того, что, зародившись въ одной мѣстности, она переходитъ въ другую, въ третью и такъ далѣе, откуда и слагается у народа свой пѣсенный языкъ и свое пѣсенное стихосложеніе, которые, правда, не такъ строго установлены, какъ въ поэзіи грамотныхъ людей, но не соотвѣтствуютъ

точно особенностямъ ни одного говора. Въ полной мѣрѣ примѣняется это наблюденіе къ стихотворнымъ размѣрамъ, заимствованнымъ у другихъ народовъ, а такихъ размѣровъ у Болгаръ много, въ томъ числѣ и разобранные выше: десятисложный съ сѣченіемъ послѣ четвертаго слога пришелъ къ нимъ отъ Сербовъ отчасти съ самыми пѣснями (какова, по видимому, 38 у Дозона); онъ-же съ сѣченіемъ послѣ пятаго — отъ Грековъ, напр. въ пѣснѣ

Κάτω 'ς τὸν κάμπον, 'ς τὸ ῥημονήσι
'βγῆκ' ὁ σουλτάνος νὰ κυνηγήσῃ

и пр.; осьмисложный — отъ Грековъ-же, у которыхъ онъ такъ распространенъ, по малой мѣрѣ, съ XIV в., что вошелъ даже въ пословицы, какъ

'Ο τρελὸς τὸν ζουρλισμένον 'σὰν τά 'μάτια του τὸν ἔχει[37]).

Стихотворные размѣры переходятъ изъ одного мѣста въ другое, конечно, не въ видѣ отвлеченныхъ образцевъ, а вмѣстѣ съ напѣвами, и вотъ именно такой готовый напѣвъ и вызываетъ на своей новой почвѣ пѣсни соотвѣтствующаго склада, но соотвѣтствующаго лишь приблизительно, хотя-бы только въ числѣ слоговъ, потому что безъ послѣдняго условія нельзя и примѣнить заносный напѣвъ къ самодѣльнымъ словамъ. Такъ возникаютъ пѣсенки, подобныя извѣстной нѣкогда Москвичамъ съ напѣвомъ, перенятымъ у Нѣмцевъ или у Чеховъ:

На у́лицѣ двѣ ку́рицы
Съ пѣтухо́мъ деру́тся.

и пр.—см. примѣч. 20. То-же дѣйствіе оказываютъ иногда и свои напѣвы, отличающіеся рѣзкой опредѣленностью ритма и при томъ широко распространенные, каковы нѣкоторые плясовые; и они способны породить стишки въ родѣ

Одна́ нога́ коро́че,

т. е., по звукамъ въ пѣніи,

А́дна на́га ка́роче́,

37) Впрочемъ можно замѣтить на всякій случай, что этотъ размѣръ извѣстенъ также Вогуламъ и Остякамъ, предполагаемымъ родичамъ или предкамъ Болгаръ Камскихъ и Аспаруховыхъ, и Финнамъ, особенно Суоми.

впрочемъ съ ясными *а* на мѣстѣ бывшихъ ударяемыми. Но Великорусы такъ привыкли къ совпаденію ритмическаго ударенія съ разговорнымъ, что послѣ такихъ неправильныхъ стиховъ, каковы только-что приведенные, тутъ-же воспроизводятъ надлежащій ритмъ, какъ уже во второмъ стихѣ перваго примѣра, а дальше — еще полнѣе и точнѣе:

Изъ свѣтли́цы двѣ́ дѣви́цы
Смо́трятъ да смѣю́тся,

во второмъ примѣрѣ слѣдуетъ если не изящный, то хоть ритмическій стихъ:

А другáя длúньше.

Вообще Великорусъ плохо мирится со слоговымъ строемъ въ качествѣ самой основы стихосложенія, потому что 1) онъ и до сихъ поръ не утратилъ вполнѣ свой исконный пѣсенный складъ, которымъ онъ невольно провѣряетъ свои новыя произведенія, 2) письменные образцы его позднѣйшаго пѣснотворчества могутъ только поддержать въ немъ потребность въ соотвѣтствіи между обоими родами ударенія, 3) онъ никогда не испытывалъ на себѣ непосредственнаго чужого вліянія. Положеніе Болгарина совсѣмъ иное. Какъ уже было замѣчено выше, онъ еще не окончательно потерялъ свой старый пѣсенный складъ, но между пѣснями этого склада и сложенными по новому, все умножающимися на счетъ первыхъ, лежитъ пропасть, сказывающаяся и въ пріемахъ пѣнія, не говоря уже о самыхъ напѣвахъ: одни напоминаютъ не только голосомъ, но и свойствомъ исполненія старинныя русскія пѣсни, а другія поются съ какими-то похожими на вой переливами и громкими передышками, очевидно, не славянскими. Можетъ быть, эти своеобразныя черты чуть-ли не большинства болгарскихъ пѣсенъ представляютъ собою также наслѣдіе старины, но во всякомъ случаѣ не славянской, а той, которая превратила славянскую рѣчь нынѣшнихъ Болгаръ въ нѣчто единственное въ своемъ родѣ среди славянскихъ языковъ, подобное армянскому языку среди индоевропейскихъ или чувашскому и якутскому среди турецкихъ. Это, конечно, возможно, но несомнѣнно и позднѣйшее восточное вліяніе, именно персидское черезъ Турокъ, распространившееся тѣмъ-же путемъ и среди Грековъ и Арнаутовъ. Турецкому вліянію предшествовали другія, почти такія-же чуждыя, — тѣ, которыя создали обще-балканское словосочиненіе, въѣвшееся въ болгарскій языкъ не менѣе, нежели въ ново-греческій и въ румынскій, откуда оно впрочемъ, кажется, и расползлось по всему полуострову еще до прихода Сербовъ. Съ этими вліяніями или, по крайней мѣрѣ, съ древне-романскимъ былъ неразрывно связанъ если не слоговой, то полу-слоговой, полу-стопный пѣсенный складъ,

выросшій на останкахъ разлагавшагося количественнаго стихосложенія и заявившій о своемъ зарожденіи уже въ томъ будто-бы количественномъ надгробіи, которымъ, можетъ быть, самъ императоръ Гадріанъ почтилъ память своего коня, гдѣ есть не только

Caesáreus verĕdus

и

Per tŭmulos et rúscos

и т. п., но и

Spársĭt ab ŏre caŭdam.

Или, если этотъ примѣръ, какъ рукописный (см. Anthologia latina rec. A. Riese I. 903), можетъ показаться недостаточно надежнымъ, то вотъ другой, съ камня изъ римскаго колумбарія (тамъ-же II. Carmina epigraphica conl. Fr. Buecheler 134):

Pĭus et sănctus vixi quam diu pŏtui

или слѣдующій, изъ окрестностей Кордовы (тамъ-же 223) — правда, вѣка VII или VIII, когда латинская рѣчь уже смолкла, но за то яркій:

Hic Theudefrĕdi cŏndita
Mémbră quiĕscunt ărida,
Cúiŭs orĭgo fŭlgida
Brébĕ[37]) refŭlsit ĭnclita

уже съ подобіемъ риѳмы, которая въ западной Европѣ является гораздо раньше, чѣмъ въ восточной (у Грековъ она извѣстна съ XV в.).

Таково-же приблизительно было положеніе и малорусскаго народнаго творчества, хотя чужія вліянія на него менѣе сложны. Юго-западная часть русскаго племени была долго почти отрѣзана исторіей отъ сѣверо-восточной части и гораздо раньше ея попала въ круговоротъ западно-европейской жизни. Потому тотъ переломъ, который великорусская пѣсня еще переживаетъ, совершился въ малорусской такъ давно, что отъ обще-русской пѣсенной старины въ ней сохранились лишь кое-какіе слѣды, которые не входятъ въ разсчетъ при опредѣленіи отличительныхъ чертъ малорусской народной пѣсни. При сопоставленіи съ великорусской она кажется похожею

37) Т. е. breve = brevitcr, in breve tempus. Первыя двѣ буквы утрачены, но возстановлены по догадкѣ Берлангою.

на романсъ, чѣмъ и объясняется ея успѣхъ среди Великорусовъ, даже далекихъ отъ любви къ народному творчеству. Таковы и всѣ западныя пѣсни — романскія, германскія и славянскія кромѣ сербскихъ (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) и болгарскихъ. Внѣшніе признаки этого, можно сказать, обще-европейскаго пѣсеннаго строя — риѳма и куплетъ, т. е. строфа, по большей части изъ четырехъ или болѣе полустишій (которыя, если риѳмуются между собою, слывутъ обыкновенно за стихи), часто съ припѣвомъ, или, по крайней мѣрѣ, съ повтореніемъ послѣдняго стиха, полустишія или конца его. Къ Малорусамъ такое построеніе проникло черезъ Поляковъ, столкнувшихся съ Западомъ лицемъ къ лицу еще въ то время, когда они, судя по чертамъ ихъ быта, общимъ съ балтійскими Славянами, съ Новгородцами и съ казаками, жили почти такъ-же, какъ ихъ обще-славянскіе предки. Потому у нихъ, какъ и у чехо-словацкаго племени и у Словѣнцевъ, старинный пѣсенный складъ пропалъ въ незапамятныя времена, что̀ однако не значитъ, чтобы съ нимъ утратилась и всякая память о древнихъ размѣрахъ: противъ этого свидѣтельствуетъ уже краковякъ, не только сохраненный Поляками, но и получившій у нихъ преобладаніе надъ всѣми иными родами пѣсни. Приписывать такой переворотъ въ южно-русскомъ стихосложеніи именно польскому вліянію можно между прочимъ потому, что онъ проявляется чуть-ли не исключительно въ стихахъ, начинающихся прямо съ сильнаго ритмическаго ударенія, какъ у Поляковъ, и по большей части похожихъ на стихи мазурки и краковяка, а малорусскіе стихи другого склада, съ безударнымъ приступомъ впереди, напр. въ черниговской пѣснѣ:

⏑ ⏑̇ ⏑| –́ –̇| ⏑̇ ⏑ ⏑̇ ⏑| –́ | –́ ⏑̇ ⏑| –́ ⏑̇ ⏑| –́ –̇| –́
Ой, у неді́лю ра́но, по рапе́ньку я́сна зо́ря зіхо́дила;
–̇| –́ ⏑̇ ⏑| ⏑̇ ⏑⏑̇ ⏑| –́ –̇| –́ ⏑̇ ⏑| ⏑̇ ⏑ ⏑̇ ⏑| –́ –̇| –́
Збїра́лася кре́вная роди́на, мене́ въ ві́йсько випрово́дила

и пр., слагаются обыкновенно по разговорному ударенію. Польское вліяніе на западныхъ Малорусовъ началось давно и подвигалось мало по малу на востокъ вмѣстѣ съ ними до крайнихъ предѣловъ Слободской Украйны. Въ XV и XVI в. оно возобновилось и усилилось въ Заднѣпровьѣ, откуда отозвалось отчасти и дальше. Въ этотъ разъ оно, что̀ касается народной пѣсни, пало на почву, болѣе податливую, чѣмъ прежде, потому что къ тому времени южная вѣтвь малорусскаго племени, еще раньше обособившаяся отъ сѣверной, уже успѣла окончательно подѣлиться на нарѣчія галицкое, заднѣпровское, полтавское и слободское, распадшіяся въ свою очередь на говоры. Эти нарѣчія, цѣликомъ или по говорамъ, различались между прочимъ и удареніями: въ то время, какъ на востокѣ сохранялось по бо́льшей части обще-русское или, по крайней мѣрѣ, южно-русское удареніе, до древней энклизы включительно, на западѣ началась уже кое-гдѣ закрѣпка уда-

ренія, по-польски, на предпослѣднемъ слогѣ. Малорусская пѣсня двигалась, какъ отчасти и до сихъ поръ, съ запада на востокъ и, попавъ напр. въ Запорожскую Сѣчь, собиравшую въ себѣ всякую вольницу, но и распускавшую ее по всей южной Руси, перекочевывала въ разные углы малорусскаго міра и въ концѣ XVIII в. вмѣстѣ съ Запорожцами дошла до сѣверозападнаго Кавказа, гдѣ поютъ до нашихъ дней (Метл. стр. 172):

Ой, дівчина сіни мела́ — та й засмі́ялася;
Ви́йшла ма́ти води́ бра́ти — та й догада́лася,

что̀ даетъ правильный ритмъ только при двуслоговомъ, польскомъ удареніи: *дівчи́на* (впрочемъ такъ не на одномъ западѣ), *ме́ла*, *во́ды*. Что̀ до *засмі́ялася* и *догадала́ся*, то въ нихъ родной говоръ этой пѣсни виноватъ лишь косвенно, такъ какъ по его грамматикѣ слѣдуетъ *ся засмі́яла* и *ся догада́ла*. Такъ въ Галичинѣ поютъ:

Ой, ти, го́ро ка́мінная, — чо́м ся не лупа́єш?
Скажи́ мені́, дівко, пра́вду: — в кім ти ся коха́єш?,

а на Украйнѣ — *лупа́ється* и *коха́ється*. По-галицки эти стихи — съ точки зрѣнія слогового склада — совершенно правильны, но по-украински для того, чтобы въ концѣ стиховъ получилось совпаденіе ритма разговорнаго съ пѣсеннымъ, пришлось просто переставить удареніе. Послѣ такихъ передѣлокъ легко уже было пѣть и

Коти́лися во́зи з гори́ — та в доли́ні ста́ли.
Люби́лися, коха́лися — та вже переста́ли,

гдѣ нельзя сваливать вину на галицкій подлинникъ. Къ нѣкоторымъ изъ крайне-западныхъ удареній Малорусы такъ привыкли, что скажутъ напр. *спа́ла*, *вдо́ва*, *серде́нько*, *коза́ка* вмѣсто *спала́*, *вдова́*, *се́рденько*, *козака́* даже и тогда, когда не поютъ, а передаютъ пѣсню обыкновеннымъ голосомъ, потому что считаютъ эти ударенія законной принадлежностью пѣсенной рѣчи; но судятъ они такъ не по наукѣ, а по тому, какъ сами неоднократно слыхали эти слова въ пѣніи. Можно-ли при этомъ ожидать соблюденія надлежащихъ границъ? Но все-же эти границы были окончательно забыты лишь въ искусственныхъ стихахъ, предназначенныхъ для чтенія и потому не провѣряемыхъ напѣвомъ. Въ этомъ отношеніи любопытны такія личныя произведенія, какъ «Стихи умилительные» монаха Михаила изъ Нямецкаго монастыря, находящіеся въ хранилищѣ рукописей монастыря

Агапія (см. А. И. Яцимирскій, Славянскія и русскія рукописи румынскихъ библіотекъ, стр. 72—73). Вотъ ихъ начало:

Умили́ся, прослези́ся, душе моя́ грѣ́шна,
Бу́ди къ Бо́гу по премно́гу въ моли́твахъ поспѣ́шна.
Сме́рть прихо́дитъ, су́дъ наво́дитъ и тягча́йшу му́ку:
Что́ сотвори́шь, ка́мо збѣжи́шь тамошняго зву́ку?
До́брыхъ дѣ́лъ нѣ́сть, Бо́гъ же вся́ вѣ́сть, что́ содѣ́яхъ зла́я.
Не оута́йся, но пока́йся и начни́ блага́я.
Увы́, ду́ше, мѣ́ры вы́ше еси́ согрѣши́ла,
Отъ ю́ныхъ лѣ́тъ коли́кій свѣ́тъ страстми́ погуби́ла.
«Го́ре, оувы́!» всегда́ зови́ отны́нѣ до вѣ́ка,
Зане́ сме́рть бли́зъ, потре́бно сле́зъ, яко (ч. якъ) рѣка́ вели́ка.
Исповѣ́ждся и пока́йся, до́ндеже въ се́мъ мі́рѣ,
Бо́га бо́йся, подвиза́йся запове́дми въ вѣ́рѣ.

Въ этомъ примѣрѣ обращаютъ на себя вниманіе первыя полустишія тѣмъ, что каждое изъ нихъ раздѣлено ровно пополамъ сѣченіемъ, которое отмѣчено болѣе или менѣе полнымъ созвучіемъ съ концемъ полустишія (между прочимъ *оувы́* — *зови́* и *бли́зъ* — *сле́зъ*, такъ какъ Михаилъ былъ, очевидно, Малорусъ, откуда и риѳмы *вы́ка* — *вели́ка*, *мі́рѣ* — *вы́рѣ*), а эти созвучія, то женскія (двусложныя), то мужескія (односложныя), показываютъ, что стихотворецъ склонялся то къ трохаическому ритму (который и свойственъ такому стиху при пѣніи), то къ ямбическому, не отдавая предпочтенія ни тому, ни другому. Есть мѣстныя ударенія и у Великорусовъ, и у нихъ они точно такъ-же вошли въ пѣсенный языкъ, признающій *широ́ко*, *высо́ко*, *далёко*, *глубо́ко* и *широко́*, *высоко́*, *далеко́*, *глубоко́*, *мо́лодецъ* и *молоде́цъ*, *уда́лый* и *удало́й*, *дѣ́вица* и *дѣвѝца*, *сѝдючи* и *сидючи́* и т. п., и возможно, что такая свобода въ постановкѣ разговорнаго ударенія, принимаемая поющимъ народомъ исключительно за стихотворную вольность, въ связи съ относительною слабостью ритмическаго ударенія въ самой короткой изъ стопъ, двухдольной (2/4), способствовала и у Великорусовъ развитію пѣсенъ особаго склада, изъ вольныхъ стиховъ осьмисложныхъ или семисложныхъ, по напѣвному ритму — трохаическихъ, которые все болѣе вытѣсняютъ другіе, древніе размѣры, состоящіе изъ стопъ качественныхъ, но не одинаковыхъ по числу слоговъ и выравнивающихся только при напѣвѣ. Такому распространенію стиховъ слогового склада могло отчасти содѣйствовать въ свою очередь малорусское вліяніе, напр. въ слѣдующей пѣснѣ, извѣстной и въ Московской губерніи:

На горѣ́-то мали́на,
Подъ горо́ю кали́на.
Тамъ гуля́ла дѣвчи́на,
Кали́нушку лома́ла,
Во пуче́чки вяза́ла

и т. д. (съ повтореніемъ каждаго стиха, а въ третій разъ со вставкой слова «сиротина» передъ послѣднимъ словомъ): помимо малорусскаго *дѣвчина* сравни напр.

Чи я у лузі	не калина була?
Чи я у темнім	не червоная цвіла?
Взяли ж мене, поламали	и в пучечки повьязали

и т. д. Нѣкоторая доля польщизны могла зайти къ Великорусамъ и черезъ литовскій рубежъ, который въ XVI, а еще болѣе въ XVII вѣкѣ существовалъ не столько для двухъ сосѣднихъ и родственныхъ, хотя и недружныхъ народовъ, сколько для ихъ правителей. Но среди Великорусовъ такое стихосложеніе распространялось туго вслѣдствіе привычки къ другому строю, въ теченіе многихъ вѣковъ не нарушаемой никакими посторонними вліяніями, пока изъ города не нахлынули въ деревню романсы и самодѣльныя подражанія имъ. Малорусы стояли, такъ сказать, болѣе на юру и потому легче подвергались дѣйствію западныхъ вѣяній. Но, какъ ни сильно было воздѣйствіе со стороны Поляковъ — сильно тѣмъ болѣе, что и они, по видимому, позаимствовались кое-чѣмъ отъ Малорусовъ и Бѣлорусовъ—, малорусское стихосложеніе сохранило въ себѣ нѣчто отличное отъ польскаго и вообще отъ западнаго: слоговой складъ его сказывается въ равнодушіи къ разговорному ударенію, но не въ числѣ слоговъ, которое осталось почти такъ-же свободно, какъ было въ обще-русскомъ стихосложеніи. Есть, правда, и у Малорусовъ пѣсни, построенныя въ числовомъ отношеніи не менѣе правильно, чѣмъ польскія, напр. мазурочнаго склада, какова:

Ой, коли́-б я, зозу́ленько,	та крилéчки ма́ла,
То я-б свою́ Украі́ну	круго́м облі́та́ла,

но больше такихъ, какъ напр.

Ой, уж ве́чір	та повечорі́ло,
Та вже моє́ се́рденько	та повеселі́ло.

Съ другой стороны попадаются, какъ мы видѣли, и у Поляковъ пѣсни со стихами различной мѣры, при чемъ иногда нарушается вообще соблюдаемое согласованіе послѣдняго разговорнаго ударенія съ ритмическимъ, напр. въ шуточномъ краковякѣ:

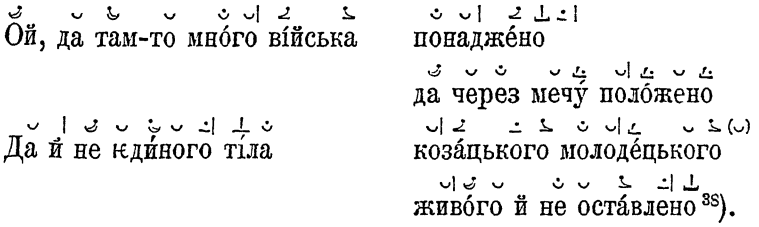
Wisła nam się zajęła, ryby pogorzały,
Osmalone szczupaki do lasu leciały,

но то и другое только въ концѣ ритмическаго ряда, а кромѣ того здѣсь могло сказаться малорусское или бѣлорусское вліяніе. Въ свободѣ стяженій у Малорусовъ древность выражается еще тѣмъ, что въ стяженныхъ словахъ замѣтно болѣе бережное обращеніе съ разговорными удареніями, чѣмъ въ тѣхъ, которыхъ слоги соотвѣтствуютъ основнымъ ритмическимъ единицамъ стопъ — осьмушкамъ или шестнадцатымъ. Древняя свобода въ числѣ слоговъ свойственна особенно пѣснямъ двухдольнымъ или четырехдольнымъ (γένους ἴσου κατὰ πόδα или κατὰ διποδίαν). Къ нимъ относятся, по крайней мѣрѣ, отчасти, такъ называемыя думы, напр. о смерти Богдана Хмельницкаго:

Эй, зажу́риться, захлопо́четься
Хмельни́цького стара́я голова́,
Що при ёму-то не було́ ні со́тників,
нї полко́вників нема́.
Ті́лкі пробува́в при ёму Ива́н Луго́вський,
Пи́сарь військо́вий, коза́к лейстро́вий

и т. д., если только ритмъ тамъ и сямъ не мѣняется ради точнѣйшаго воспроизведенія словъ со всѣми ихъ разговорными особенностями. Жаль, что эта дума напечатана безъ нотъ даже въ превосходномъ трудѣ проф. М. Н. Сперанскаго «Южно-русская пѣсня и современные ея носители» (Кіевъ, 1904), гдѣ большинство пѣсенъ снабжено напѣвами съ голоса бандуриста Т. М. Пархоменка. За то вотъ начало другой, «VIII. Про Федора Безроднаго», болѣе упорядоченной и, вѣроятно, поэтому имѣющей при себѣ ноты:

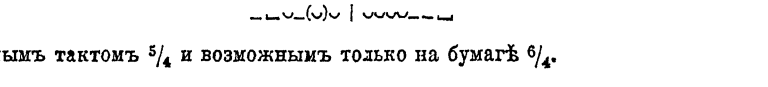
Гéй, по потрéбї, по потрéбї бáрзо цáрській,
гей у громáдї козáцькій,



Трудность нотной записи думъ зависитъ отъ того, что стихи ихъ не столько поются, сколько произносятся на распѣвъ, какъ и сербскія юнацкія пѣсни, потому что въ тѣхъ и другихъ главное есть содержаніе, а пѣніе — лишь прикраса, предназначенная къ поддержкѣ того настроенія, которое дается повѣствуемыми событіями. Но по своему стихотворному складу настоящая, старинная дума не имѣетъ ничего общаго со слоговыми стихами, къ которымъ принадлежитъ и сербскій «јуначки» десятисложный; въ этомъ отношеніи она стоитъ гораздо ближе къ бугарштицѣ. И въ обѣихъ слышится отзвукъ далекой, общеславянской старины, къ которой восходятъ съ одной стороны общерусское стихосложеніе, съ другой — польскій краковякъ. Впослѣдствіи за думу принялась бурса, и на многихъ образчикахъ этого рода пѣсни чувствуется школьный налетъ, доходящій кое-гдѣ, напр. въ Мазепиной думѣ «Всі покою щиро прагнуть», почти до полнаго истребленія народнаго духа.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ слоговое стихосложеніе у Славянъ, мы набрали достаточное количество данныхъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи этого стихотворнаго склада вообще, что̀, какъ мы видѣли выше, не лишено важности для рѣшенія другого вопроса — объ общеславянскомъ стихосложеніи. Пробѣгая приведенные выше образчики слоговыхъ стиховъ, читатель, можетъ быть, спрашивалъ себя не разъ: «Да что-же это за особое стихосложеніе? Просто, человѣкъ хотѣлъ сложить правильный стихъ, да полѣнился или не сумѣлъ». Такое объясненіе очень близко къ истинѣ, чтобы не сказать: есть сама истина. Стихотворецъ изъ образованныхъ, пишущій стихи только для чтенія, руководится уже однимъ преданіемъ, но стихотворецъ народный, слагая стихъ по числу слоговъ, неизбѣжно представляетъ себѣ тотъ ритмъ, который соотвѣтствуетъ воображаемому имъ напѣву, и тѣмъ болѣе старается осуществить его, чѣмъ менѣе, на оборотъ, связанъ преданіемъ, часто влекущимъ его въ другую сторону. Строго выдержанные, правильно-стопные первообразы найдутся въ стихосложеніи

38) У проф. Сперанскаго:



съ призрачнымъ тактомъ $^5/_4$ и возможнымъ только на бумагѣ $^6/_4$.

не всѣхъ тѣхъ народовъ, которые привыкли къ слоговымъ стихамъ; но такіе стихи могутъ зайти къ одному народу, не имѣвшему стопныхъ образцевъ, отъ другого, который ихъ имѣлъ. Такъ напр. къ западнымъ Славянамъ основы слогового стихосложенія могли проникнуть отъ Романцевъ, древнѣйшій стихъ которыхъ, соотвѣтствующій качественнымъ пятистопнымъ ямбамъ десятисложный или, при женскомъ окончаніи, одинадцатисложный, происходитъ, по видимому, отъ латинскаго количественнаго ямбическаго триметра (сенарія), оставившаго ему въ наслѣдство и свое сѣченіе послѣ перваго двустопія (или второй стопы)[39]).

Тотъ-же количественный размѣръ отразился у новыхъ Грековъ въ двѣнадцатисложномъ слоговомъ, напр. Passow CCCCLXXX:

Ὅσα καστριὰ κι ἂν εἶδα κι ὅσα λόγιασα

или тамъ-же:

Οὐδὲ τ' ἄσπρα σου θέλω οὐδὲ τὰ φλωριά.

Древній количественный трохаическій урѣзанный тетраметръ перешелъ у новыхъ Грековъ въ такой-же стихъ качественный, отчасти стопный, отчасти слоговой, напр. Passow DLXXXV:

Μία εὔμορφη κοπέλα εἰς τὸ σπίτ' ἐνὸς παπᾶ,

но тамъ-же:

Ἂν ἀπὸ τὄνα καὶ 'πάνω, ἔστωσαν συγχωρητά

и ниже:

Αἴ, παιδί μου, εἶναι πρᾶγμα ποῦ τὄχω ἀπὸ παιδί.

Новогреческій такъ называемый политическій (т. е. житейскій) пятнадцатисложный стихъ (8+7 слоговъ), въ народныхъ произведеніяхъ —

39) Едва-ли кто согласится съ Тенъ-Бринкомъ, будто этотъ романскій стихъ образовался изъ размѣра старофранцузской пѣсни объ Эвлаліи:

Bona pulcella fut Eulalia,
Bel auret corps, bellezour anima

и т. д. по латинскому количественному образцу, введенному, кажется, Септиміемъ Сереномъ въ III в. по Р. Х. (Inquit amicus ager domino и т. д.) и усвоенному латинскими стихотворцами изъ христіанъ, но не романскими. Скорѣе ужъ можно было-бы подумать о Phalaecius hendecasyllabus, который въ самомъ дѣлѣ вошелъ въ народную поэзію, по крайней мѣрѣ, у позднѣйшихъ Римлянъ, напр. въ стихахъ на Александра Севера, очень похожихъ при чтеніи по разговорнымъ удареніямъ на одиннадцатисложные романскіе:

Quod púlcrum vides ésse nóstrum régem,
Quem Sýrum súa détulit propágo

и т. д.

слоговой, въ древнѣйшихъ своихъ образчикахъ является стопнымъ, съ вольностями только въ первой стопѣ каждаго двустишія, а впрочемъ качественнымъ ямбическимъ, какъ у Θеодора Продрома:

Ἀπὸ μικρόθεν μ' ἔλεγεν ὁ γέρων ὁ πατήρ μου·
Τέκνον μου, μάθε γράμματα, ἂν θέλῃς νὰ 'φελέσῃς,

и таковъ онъ остался въ искусственной поэзіи до нашихъ дней, а восходитъ онъ, по видимому, къ количественному образцу, употреблявшемуся и въ народныхъ пѣсняхъ, напр.

Ποῦ μοι τὰ ῥόδα, ποῦ μοι τὰ ἴα, ποῦ μοι τὰ καλὰ σέλινα;

Отъ Грековъ этотъ размѣръ въ своемъ качественномъ видѣ перешелъ къ Итальянцамъ, у которыхъ находимъ его въ слоговомъ строѣ, напр.

Rosa fresca, aulentissima ch' apparì inver l' estate.

Пути его распространенія изъ Италіи къ сѣверу прослѣдить трудно, но, какъ-бы то ни было, сходство англійскаго балладнаго стиха съ греческимъ пятнадцатисложнымъ такъ очевидно, что Байронъ, объясняя послѣдній своимъ соотечественникамъ, ограничился выпиской одного домашняго примѣра:

The captain bold of Halifax, who lived in country quarters.

И въ самомъ дѣлѣ обращеніе съ этимъ стихомъ у Англичанъ то-же, что у Грековъ: то онъ у нихъ стопный, то слоговой. Число такихъ примѣровъ можно было-бы значительно увеличить, но довольно и приведенныхъ для того, чтобы показать, какъ стихи стопные переходятъ въ слоговые, можно сказать, по неумѣнью или по небрежности. Нѣтъ такого языка, который-бы не допускалъ стопнаго стихосложенія, не исключая и языковъ съ неподвижнымъ удареніемъ, каковы французскій и польскій. Такъ у Альфреда Мюссе въ Nuit d'Octobre встрѣчается безукоризненная трохаическая строфа

Honte à toi qui la première
M' as appris la trahison
Et d' horreur et de colère
M' as fait perdre la raison.

На склонность Богдана Залѣсскаго къ стопному построенію стиховъ обратилъ вниманіе въ особомъ изслѣдованіи профессоръ Львовскаго университета Колесса; и въ самомъ дѣлѣ этотъ поэтъ писалъ такимъ образомъ

цѣлыя стихотворенія, напр. въ четырехстопныхъ трохеяхъ Księżna Hanka (небольшая поэма), Dumy (не всѣ), Milica (Wiośnianki), Serb junak (тамъ-же), Mętny Dunaj (тамъ-же), Rozmowa kochanków (тамъ-же), Najmilsza woń, Czy kwiatki czy dziewczę, Myśliwy, I wy tu, Matki winne, Samochwał dziewczyna, Tak czy owak zawsześ moja (даже безъ риѳмы кромѣ двухъ послѣднихъ стиховъ), Aż strach, Urodziwa, Sokół i dziewczyna, Dziewczę na uwięzi, въ двустопныхъ трохеяхъ Rada junaczka, въ четырехстопныхъ амфибрахіяхъ Król dziadek (Der Erlkönig Гёте), въ трехстопныхъ анапестахъ Z mogiły Sawor (Dumy), въ двустопныхъ Bożur i róża, Sokół i chłopiec и др. Въ двустопныхъ и трехстопныхъ анапестахъ написаны Мицкевичемъ Trzech Budrysów и Czaty. Много стопныхъ стиховъ у Аснука, напр. четырехстопные трохеи въ Napad na Parnas, Szkoda!, Krąg przemian, Róża, Między nami nic nie było, Powrót piosenki, Rada, Na początku, Huczy woda po kamieniach, Słonko, четырехстопные и трехстопные трохеи въ Siwy koniu, двустопные и трехстопные ямбы въ Choć pól i łąk, четырехстопные и трехстопные ямбы въ Szczęśliwa młodość!, Daremne żale (кромѣ начала девятаго стиха), трехстопные амфибрахіи въ Idź dalej!, двустопные анапесты въ Szumi w gaju brzezina. Отдѣльные совершенно правильные стопные стихи попадаются чуть не въ любомъ слоговомъ стихотвореніи, и ихъ, конечно, тѣмъ больше, чѣмъ ближе предносящійся стихотворцу ритмъ къ распорядку ударенiй въ данномъ языкѣ. И такъ слоговое стихосложеніе, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ языкахъ, гдѣ одновременно съ возникновеніемъ дошедшихъ до насъ пѣсенъ или ихъ первообразовъ не происходили перемѣны въ удареніяхъ, какъ у Сербовъ, или гдѣ оно не встрѣчается и не перекрещивается со стихосложеніемъ напѣвно-стопнымъ, какъ у Малорусовъ, есть въ сущности лишь искаженное ритмическими вольностями стопное стихосложеніе. Эти вольности являются, какъ уже было сказано, вслѣдствіе неумѣлаго или небрежнаго присочиненія словъ къ уже готовымъ напѣвамъ, и непремѣнно такимъ, которые разсчитаны на однообразно текущую рѣчь, расчлененную по одинаковымъ сочетаніямъ ударяемыхъ и неударяемыхъ слоговъ. Отсюда слѣдуетъ, что до появленія слоговыхъ стиховъ должны быть напѣвы съ однообразной постановкой ритмическихъ ударенiй черезъ опредѣленное число нотъ, а такая постановка могла выработаться только объ-руку съ построяемой такимъ-же образомъ рѣчью, что̀ возможно лишь тогда, когда напѣвъ пріобрѣтаетъ такое значеніе самъ по себѣ, что подчиняетъ себѣ строй сопровождающей его пѣсенной рѣчи на столько, на сколько это нужно для отчетливаго оттѣненія всѣхъ особенностей задуманнаго ритма. Такая самостоятельность напѣва предполагаетъ уже высокую степень развитія пѣснотворчества. Весьма вѣроятно, что чисто-народное стихосложеніе нигдѣ не достигло этой сте-

пени, которая соединяетъ въ себѣ оба стихотворныхъ начала — ритмическое и слоговое, такъ какъ равномѣрное выраженіе ритма въ языкѣ требуетъ опредѣленнаго числа слоговъ: нигдѣ и никогда безъискусственное творчество не шло въ усовершенствованіи своей ритмической стороны дальше нѣкотораго приближенія къ стопности и даже по рѣшительномъ вступленіи на этотъ путь, совершившемся не безъ содѣйствія сознательнаго искусства, сохраняло въ себѣ слѣды предшествующей ступени, на которой равномѣрность ритма осуществлялась въ словѣ только при помощи напѣва, что̀ мы видимъ напр. у Германцевъ до нашихъ дней, однако и въ переходномъ состояніи между равномѣрностью лишь напѣвной и равномѣрностью словесной народное стихосложеніе, особенно для нѣкоторыхъ родовъ пѣсни, можетъ уже такъ значительно развить въ себѣ стремленіе къ соотвѣтствію не только силы слоговъ, но и ихъ числа ритмическимъ единицамъ напѣва, что отдѣльные стихи, по старой памяти требующіе нѣкотораго восполненія при посредствѣ напѣва, являются какъ-бы исключеніемъ изъ правила, сознаваемаго всѣмъ народомъ. Такой равномѣрности въ стихосложеніи, хотя не исключительной, но господствующей, совершенно достаточно для того, чтобы по выработкѣ или занесеніи извнѣ напѣвовъ, состоящихъ изъ постояннаго числа нотъ, стихосложеніе напѣвно-стопное уступило свое мѣсто слоговому, сначала также въ видѣ отдѣльныхъ и случайныхъ вольностей, но уже относительно не числа слоговъ, а мѣста разговорнаго ударенія, впослѣдствіи иногда до потемнѣнія чутья къ первоначальному ритму, какъ въ первой части польскаго тринадцатисложнаго стиха. И, не смотря на существенность числа слоговъ для слогового стихосложенія, все-таки не только у Малорусовъ, еще не безслѣдно утратившихъ пѣсенную старину, но даже у Поляковъ то тамъ, то здѣсь мы наталкиваемся на пережитки древнѣйшаго стихосложенія, сказывающіеся въ нарушеніи числа слоговъ, по крайней мѣрѣ, послѣднихъ первой половины двойного стиха.

Изо всего, сказаннаго здѣсь о слоговомъ стихосложеніи, слѣдуетъ съ полной очевидностью, что это стихосложеніе, какъ въ значительной мѣрѣ условное, появляется вездѣ сравнительно поздно.

Подводя итоги этому изслѣдованію, возвратимся къ вопросу объ обще-славянскомъ стихосложеніи и его судьбахъ по раздѣленіи Славянъ.

Едва-ли возможно какое сомнѣніе въ томъ, что древнѣйшее славянское стихосложеніе было основано на разговорномъ удареніи, можетъ быть, съ такимъ-же приблизительно участіемъ долготы, какое замѣчается въ стихахъ сербо-хорватскихъ и чехо-словацкихъ. Обще-славянскіе стихи могли быть троякаго рода по степени ихъ приближенія къ равномѣрности: 1) такіе-же или почти такіе-же, какъ германскіе до Отфрида или какъ малорусскія въ думахъ, свободныхъ отъ вліянія бурсы и лирическихъ пѣ-

сенъ, т. е. то длинные, то болѣе короткіе въ одномъ и томъ-же стихотвореніи и состоящіе изъ разнообразныхъ стопъ, выравниваемыхъ только въ напѣвѣ, однако едва-ли допускающихъ обычное у Германцевъ стяженіе нѣсколькихъ ритмическихъ единицъ въ одинъ слогъ; 2) сходные со старинными русскими, т. е. состоящіе изъ такихъ-же стопъ, но въ опредѣленномъ числѣ — по три или по четыре стопы на стихъ послѣдовательно съ начала до конца пѣсни, хотя, конечно, мыслимо случайное появленіе напр. четырехстопнаго стиха между трехстопными, какъ и въ англійскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ искусственныхъ драмахъ между пятистопными ямбами попадаются иногда шестистопные; 3) равномѣрно-стопные со случайными стяженіями тамъ и сямъ въ видѣ вольности. Первый родъ, самый безъискусственный, есть, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ и самый древній; второй, уже значительно позднѣйшій, появился сначала, вѣроятно, въ лирическихъ пѣсняхъ, а впослѣдствіи проникъ и въ эпическія; третій, самый новый, могъ развиться, по видимому, только въ связи съ инструментальной музыкой и на почвѣ упорядоченной пляски, въ которой личная изобрѣтательность плясуновъ была уже значительно стѣснена установившимися правилами, какъ напр. въ краковякѣ. Можно допустить, что всѣ эти три рода стиховъ, хотя и зародились въ разныя времена, однако существовали долго вмѣстѣ, распредѣлившись по различнымъ родамъ пѣснотворчества. Позже, у отдѣльныхъ славянскихъ племенъ въ произведеніяхъ искусственныхъ и сложныхъ они могли уживаться рядомъ, напр. въ Словѣ о Пълку Игоревѣ, гдѣ есть и

Дрéмлеть[40]) въ поли Ольгово хорóбьрое гнѣздó,
далéче залетѣло

и

Не лѣпо-ли ны бя́шеть, брáтие

и, можетъ быть,

Побарáя за христья́ны на погáныѣ пълкы́.

Къ стихамъ перваго рода примыкаютъ стихи старѣйшихъ малорусскихъ думъ, если только не произошли путемъ одичанія одного изъ позднѣйшихъ видовъ; къ стихамъ второго рода относятся чуть не всѣ старинные великорусскіе и бѣлорусскіе размѣры и нѣкоторые остатки древнѣйшаго стихосложенія у Малорусовъ и у Болгаръ; отъ стиховъ третьяго рода ведутъ

40) На сохраненіе слоговой длительности за конечными ъ и ь въ Словѣ о Пълку Игоревѣ слѣдуетъ смотрѣть, вѣроятно, такъ-же, какъ на счетъ «нѣмого» *e* за слогъ въ новыхъ французскихъ стихахъ.

свое начало краковякъ и, можетъ быть, нѣкоторые другіе размѣры съ постояннымъ числомъ слоговъ, напр. старыхъ сербо-хорватскихъ хороводныхъ пѣсенъ. При этихъ родахъ были виды переходные, какъ напр. между первымъ и вторымъ, можетъ быть, занималъ мѣсто первообразъ великорусскихъ протяжныхъ пѣсенъ (въ $^2/_4$, но съ колеблющимся числомъ слоговъ, съ растяженіями и повтореніями словъ и слоговъ, распространяющими стихъ изъ четырехъ — шести стопъ на четыре или на пять напѣвныхъ членовъ); между первымъ и третьимъ — длинные краковяки произвольнаго числа слоговъ, каковъ слѣдующій:

Karazyja wyszywana, haftowana
Petliczkami, sznureczkami, kuľeczkami, hafteczkami,
złocistemi klapeczkami
Do kolusieneczka, moja kochaneczka,

и бугарштицы; между вторымъ и третьимъ—великорусскія веселыя пѣсни (удалыя, хороводныя, величальныя, шуточныя и т. п.), стихи которыхъ въ напѣвѣ сходны съ древнегреческими анапестами, напр.

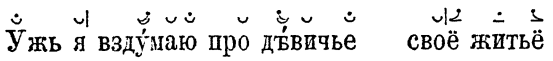
Ужь и по́ мосту, мосту́, по кали́новому
Какъ и шёлъ, прошёлъ дѣти́нка, голубо́й на нёмъ кафта́нъ

или знаменитая «Камаринская»:

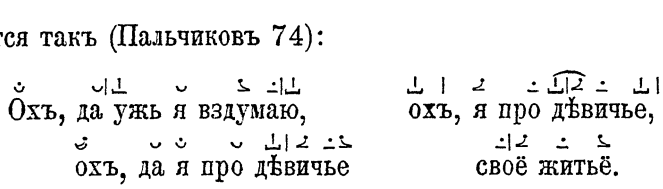
Ахъ ты, сукинъ сынъ Камаринскій мужикъ!
Ты зачѣмъ не хочешь барину служить?

Говоря строго, между вторымъ и третьимъ родами можно провести только такую границу, что стопными стихами въ собственномъ смыслѣ этого слова мы условимся признавать лишь тѣ, которые при полномъ согласованіи удареній ритмическаго и разговорнаго содержатъ въ себѣ ровно столько слоговъ, сколько нужно для полнаго выраженія ритма. Во многихъ другихъ случаяхъ разграниченіе родовъ затруднено ихъ взаимнодѣйствіемъ, продолжающимся отчасти до сихъ поръ. Выше было сказано о среднемъ положеніи великорусскихъ протяжныхъ пѣсенъ между первымъ и вторымъ родомъ; но помимо такого положенія по самому существу этого пѣсеннаго

склада нерѣдка передѣлка пѣсни второго рода на ладъ перваго, какъ напр. пѣсня первоначально такая:

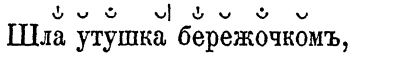


и пр. поется такъ (Пальчиковъ 74):

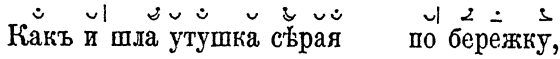


Впрочемъ отъ чистаго перваго рода самыя протяжныя и ритмически запутанныя пѣсни отличаются постояннымъ числомъ стопъ. Въ только-что приведенномъ примѣрѣ мы видѣли растяженіе первоначальнаго стиха посредствомъ напѣва до потери его ритмическаго образа. Но то-же и въ еще большей степени происходитъ вслѣдствіе ускоренія, сопровождаемаго переносомъ главнаго ударенія къ самому началу стиха, на безударный приступъ. Такъ напр. стихъ, сложенный, очевидно, по-старинному,

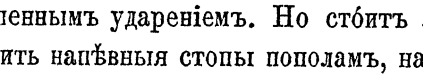
поется теперь



а это почти уже слоговой стихъ, такъ какъ въ немъ ясно слышится при пѣніи не правильное *у́тушка*, а вызванное ритмомъ *утýшка*. Такой переходъ качественнаго стиха въ слоговой со всѣми послѣдствіями этой перемѣны для отношенія разговорныхъ ударéній къ ритмическимъ совершается незамѣтно, помимо сознанія пѣвцевъ, потому что хотя-бы то-же самое *утýшка* было-бы правильно съ точки зрѣнія стариннаго склада напр. въ такомъ положеніи:



т. е. подъ третьестепеннымъ удареніемъ. Но стóитъ лишь сильно ударить первый слогъ и разбить напѣвныя стопы пополамъ, напр. такъ:



и получится уже такая погрѣшность противъ разговорнаго ударенія, какая возможна только при счетѣ слоговъ безъ вниманія къ ихъ относительной силѣ. Въ словахъ двусложныхъ удареніе перемѣщается ради ритма не-

сравненно чаще, и потому въ двухдольныхъ пѣсняхъ безъ слабаго приступа стихи слогового строя—кромѣ послѣдней стопы, какъ у Поляковъ—нерѣдки уже давно, напр. въ пѣснѣ отнюдь не новой:

Пряди́, моя́ пря́ха, пряди́, не лѣни́ся

и пр. или въ присказкѣ при игрѣ, также не новой:

Гори́, гори́ жа́рко:
Пріѣхалъ Заха́рка,
Дѣти на теле́жкѣ,
Щёлкаютъ оре́шки —

то и другое размѣромъ краковяка.

Но чѣмъ легче и неуловимѣе такіе переходы, тѣмъ труднѣе и запутаннѣе вопросъ о происхожденіи того или другого рода стиховъ у того или другого изъ племенъ, связанныхъ между собою языкомъ, бытомъ или хотябы только сосѣдствомъ и сношеніями. Возможно, что въ разрѣшеніи такихъ задачъ наукѣ о стихосложеніи могла-бы оказать содѣйствіе наука о музыкѣ; но о такой «наукѣ» приходится пока еще только мечтать.

Ѳ. Коршъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР